

18+

Лина Дичко

Анатомия магии

Ромашковый чай
с секретом

Лина Дичко

**Ромашковый чай
с секретом. Анатомия магии**

«Издательские решения»

Дичко Л.

Ромашковый чай с секретом. Анатомия магии / Л. Дичко —
«Издательские решения»,

Меня зовут Мария. Моя фляжка с ромашковым чаем всегда грела во мне надежду на исцеление... Все свои двадцать лет я провела в инвалидном кресле, лишь иногда выбираясь из него, путешествуя между кроватью, холодильником и туалетом. Рядом была лишь моя мать, которая любила меня и бесконечно таскала по врачам. А я совсем не подозревала, кто я на самом деле, и что ждет меня дальше...

© Дичко Л.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ромашковый чай с секретом Анатомия магии

Лина Дичко

Оформление обложки Сгенерирована в нейросети Leonardo AI и доработана автором
(Лина Дичко)

© Лина Дичко, 2026

ISBN 978-5-0071-0463-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

На стыке человеческого мира и бескрайних земель, скрытых от взора обывателей, лежал глухой вековой бор. В самой чаще этого леса, окутанное вечным сосновым туманом, притаилось место, которое веками не пускало сюда людей. Древняя невидимая завеса надёжно оберегала свои тайны, служа незыблемой Границей между мирами.

Лишь изредка в отлаженном механизме вечности случался сбой. Раз в несколько десятилетий в мире людей, вопреки всем законам природы, рождался ребёнок с пробудившимся даром. Когда этот новоявленный маг достигал совершеннолетия, Граница неизбежно призвала его к себе. Призыв мог быть разным: безумный сон, навязчивая идея, странное знамение или непреодолимая тяга уйти в лесную глушь.

И тогда, повинувшись зову, Граница расступалась, пропуская одарённого домой. Правда, в последний раз такое чудо случалось очень давно — больше полувека назад, и магический мир почти забыл, каково это — принимать чужаков.

Главным щитом и контрольным пунктом этого рубежа являлся загадочный замок — неприступная величественная цитадель, скрытая за высокими каменными стенами. Отсюда, из-за широчайших ворот, велось круглосуточное наблюдение за Границей.

Это была неприступная крепость, где несли службу сотни суровых воинов, готовых в любую секунду защитить рубеж от безжалостных посягателей извне. Во главе которых стояла тройка совета высших стражей порядка. Один из них возглавлял совет, и его слово было законом. Он как строгий, непоколебимый и мудрый правитель защищал Границу, оберегал своих преданных союзников и местных жителей.

Новобранцы, вступавшие в эти ряды, проходили жесточайший отбор и должны были обладать уникальной, разрушительной силой. Магия здешних защитников была разной: одни виртуозно подчиняли себе буйные природные стихии, другие шёпотом читали смертоносные древние заклинания, а кто-то мастерски смешивал зелья или выжигал на оружии защитные и атакующие руны. Каждый из них был оружием.

Стражи Границы натягивали тетиву и проверяли остроту клинков, даже не подозревая, кто именно движется в их сторону из человеческого мира.

Глава 1

Раннее утро в этом городе всегда пахло одинаково: сырым асфальтом, дешёвым бензином и выхлопными газами. За окном пятиэтажки едва брезжил рассвет, окрашивая панельные дома напротив в неприятный грязно-серый цвет. На часах было начало шестого, но мама не спала уже долго. Она тихо гремела на кухне, а потом суежилась, собирая в тяжёлую кожаную папку медицинские документы, скопившиеся за 20 лет жизни дочери.

Сегодня был особенный день в их жизни. В их маленький городок постучался лучик света, а именно приехал профессор, светило российской медицины и доктор наук, который за мамыны огромные деньги готов был их принять. Хотя, просто-напросто, очередной господин в белом халате.

Такси приехало с опозданием. Старая, дребезжащая иномарка припарковалась прямо у лужи перед подъездом. Водитель — хмурый мужчина средних лет с уже проглядывающей лысиной на макушке, в растянутом свитере — даже не подумал выйти. Когда мама постучала в окно с просьбой открыть багажник для инвалидного кресла, он недовольно фыркнул и нажал кнопку в салоне, бурча себе под нос про грязные колёса, которые испачкают коврик.

Девушке, сидящей в кресле, было тошно. Не от болезни, к ней она привыкла, а от этого вечного, липкого чувства, что они для всех — обуза.

— Давай, Машенька, аккуратно, — тихо прошептала мама, подкатывая её ближе к открытой двери автомобиля. — Держись за меня.

Маша же судорожно вдохнула, концентрируя все силы в непослушном теле. Её мозг, запертый в этой физической оболочке, работал как часы, но ноги отказывались подчиняться логике. Они подгибались внутрь, выворачиваясь в неестественную, ломаную позицию, словно стянутые невидимыми канатами.

Цепляясь за мамино плечо и край автомобильной дверцы, она сделала эти несколько мучительных шагов. Каждый пройденный дюйм давался с колоссальным трудом, мышцы звенели от дикого напряжения, но она всё же рухнула на заднее сиденье. Ловко подогнула ноги руками, усаживаясь поудобнее.

В зеркале заднего вида девушка поймала брезгливый взгляд таксиста. Он демонстративно вздохнул, пока мама, надрывая спину, сама поднимала тяжёлую, холодную раму коляски и с грохотом заталкивала её в пустой багажник. Во взгляде Маши читались мысли о том, как её злит собственное бессилие в этой ситуации.

Машина тронулась, подпрыгивая на дорожных колдобинах безымянного городка. Их путь лежал в областной центр хирургии и ортопедии. Он находился примерно в сорока километрах от их дома, и именно там состоится приём у профессора.

Девушка молча смотрела в окно на проносящиеся мимо панельки и свежие, но такие же безликие новостройки. Если честно, у неё не было ни капельки веры в этого столичного профессора.

За двадцать лет её осматривали десятки светил науки, и каждый раз всё заканчивалось одинаково: новые таблетки, дорогие курсы массажа и ноль результата. Если медицина до сих пор не давала результатов, то и сейчас ничего не изменится, если только он не волшебник, чтобы сотворить чудо.

Но она покорно ехала. Кивала, слабо улыбалась и послушно глотала обезболивающие. Не ради себя — ради матери. Она перевела взгляд на мать. Та сидела рядом, нервно сжимая ту самую кожаную папку с документами.

Несмотря на тяжёлую жизнь, обречённую на постоянную заботу о ребёнке с особенностями, она выглядела явно моложе своих сорока лет. Ни проблеска седины на её чёрной копне

густых волос, собранных в спешке в небрежный пучок. Ни грамма усталости в виде синяков и мешков под глазами. Она же оправдывала это генетикой и редкими походами к косметологу.

Она справлялась со всем одна. Рядом с ней никогда не было мужчины или плеча друга, в которое можно поплакаться от давящей боли от обиды за то, что приходится терпеть им обоим.

Мария лишь однажды спросила мать об отце и попросила хотя бы взглянуть на его фото. Мать мгновенно изменилась в лице, побледнела, отвела взгляд, а её голос стал глухим и ломким: «Маш, пожалуйста, не надо беречь то, что уже давно забыто. Мне трудно говорить на эту тему. Он ушёл от нас ещё до твоего рождения. А фото... ну, порвала я их все тогда в истерике, нет у меня их. Давай больше не поднимать эту тему». С тех пор эта тема в их семье закрыта, но в глубине Машиных мыслей жило странное, глухое предчувствие, что их семейная тайна как-то связана с тем, почему её тело скручено в этот неестественный узел.

Такси резко затормозило у крыльца клиники. Мария сжала зубы, готовясь к очередному кругу бессмысленных медицинских расспросов.

Коридоры клиники были знакомы до боли, до каждого узора на старом линолеуме и скола на крашеных стенах. Здесь пахло хлоркой, безысходностью и дешёвым кофе из автомата. Возле нужного кабинета уже скопилась плотная очередь. Тут были все: уставшие родители, дети на костылях, подростки со сложными фиксаторами на ногах и тяжёлыми диагнозами. Каждый сидел молча, глядя в одну точку, но внутри каждого из них теплилась одна и та же отчаянная мысль. Они верили, что этот день и встреча со столичным профессором перевернут их жизнь. Надеялись все. Все, кроме неё.

Мария сидела тихо в своей коляске, чувствуя себя чужой на этом празднике обречённой надежды. Время тянулось как резина. Периодически слышались чужие вздохи и пустые разговоры, редкие покашливания разносились эхом по коридору.

Спустя долгие шестьдесят минут ожидания дверь наконец приоткрылась, и строгая медсестра произнесла:

— Левицкая Мария, проходите.

Мама взяла тяжёлую папку в одну руку, прижав её к телу, а другой рукой придерживала дверь открытой, чтобы дочь могла спокойно въехать в кабинет, крутя руками колёса кресла. Она двигалась навстречу очередному приговору, завёрнутому в красивые медицинские термины.

Профессор сидел за столом, поправил очки. Его взгляд был серьёзным и внимательным. Он открыл толстую папку Марии. В кабинете воцарилась тишина. Слышно было только щёлканье механической клавиатуры из-под рук медсестры, которая старательно вносила данные пациентки в электронную карту, да шуршание старых выписок.

— Так, здравствуйте, — негромко произнёс профессор, не поднимая глаз от первой страницы. — Позвольте изучить документы и задать вам пару вопросов, а уж потом приступим к осмотру.

Мама судорожно вздохнула и присела на край свободного стула. Она сцепила пальцы на коленях. Было видно, как у неё под блузой задрожали плечи.

— Да-да, конечно, доктор. Здесь всё-всё собрано. За все двадцать лет. Каждая реабилитация, все томограммы...

Профессор перелистнул несколько страниц. Его карандаш сделал быструю пометку на листочке.

— Хорошо. Давайте структурируем. Каков основной диагноз? И сопутствующие?

Мама кашлянула, справляясь с волнением. Этот текст она заучила как горькую молитву.

— Основной у нас стоит ДЦП. Спастическая диплегия, тяжёлая форма. Нижний вялый парализ. Ноги почти не слушаются. На короткие расстояния Машенька может встать с опорой, но ноги выворачиваются... как колесом. А на дальние — только коляска. Из сопутствующих... врачи писали вегетососудистую дистонию, сильные головные боли по ночам, мигрени.

Раньше ещё ставили задержку речевого и моторного развития, она заговорила ближе к пяти годам, но умственно у нас всё идеально! Маша школу окончила с золотой медалью, в интернете постоянно работает, много читает.

Профессор резко остановил руку. Его карандаш замер над бумагой. Он медленно поднял глаза. Сначала посмотрел на маму, а затем перевёл долгий, изучающий взгляд на её дочь.

Он всматривался в лицо Марии. В её абсолютно симметричную, живую мимику. В ясные глаза этой юной девушки.

Врач такого уровня сразу заметил: при той тяжёлой форме ДЦП, которую описала мама, у двадцатилетней девушки должна была пострадать речь, появиться мышечные подёргивания лица или общая вялость. Но перед ним сидел абсолютно здоровый ментально, даже слишком сосредоточенный человек.

— Золотая медаль, говорите? — тихо переспросил профессор. Он снова повернулся к картам. — Ладно. Давайте вернёмся в самое начало. Расскажите мне про историю родов. Как протекала беременность? Были ли травмы, асфиксия? Может, у вас есть выписка? И... какая наследственность со стороны отца?

При слове «отец» мама вдруг замерла. Воздух в кабинете стал ледяным...

— Отца я мало помню и так и не скажу про его генетику... — голос матери, которую звали Елена, заметно дрожал. Она отвела взгляд в сторону окна, судорожно сжав пальцы. — По молодости отношения были... Мне самой тогда было как Машке сейчас. Глупая была.

Профессор не перебивал. Он внимательно наблюдал за её мимикой и за тем, как побелели костяшки пальцев.

— Роды были стремительные, — торопливо продолжила мама, словно спешила выдать заготовленную версию. — Да и я по глупости не стояла на учёте. Родила дома, прямо на полу... И уже позже попала в больницу. Врачи тогда провели осмотр и... и не заметили никаких отклонений. Сказали, здоровый ребёнок.

Карандаш профессора со стуком опустился на стол. Врач медленно снял очки и потёр переносицу. В кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина. Мария перевела взгляд с мамы на профессора. Её мозг, привыкший перерабатывать терабайты информации, буквально кричал: мама врёт. Или не договаривает что-то очень важное.

Какая женщина забудет детали сумасшедших родов на полу? И почему она так панически боится вопросов об отце?

— Вот как... — протянул профессор. Он снова посмотрел на карты, перелистывая их назад, к самым первым детским выпискам. — Родила дома, осмотр в норме, травм нет... Елена, понимаете, в чём дело. Диагноз ДЦП не берётся из ниоткуда. Это органическое поражение мозга, которое появляется во время тяжёлой беременности либо из-за удушья в родах. Если ребёнок родился здоровым, без патологий, то картина не вяжется.

— Первые полгода я вообще не ходила по больницам, — тихо добавила мать, глядя куда-то мимо профессора. — И даже свидетельство о рождении оформила только к её полугоду... Ну, я же говорю, глупой была, испугалась всего. В полгода дети обычно уже сидят, а у неё и попыток не было. Переворачивалась она с трудом, ножки как-то странно изогнуты. Вот тогда-то я и поняла, что что-то не так с ней. И начался этот круг по больницам...

Её дочь мысленно вздохнула. Сколько же раз она слышала эту историю за свои двадцать лет? Каждому новому массажисту, каждому заезжему целителю или профессору мама пересказывала эти полгода её жизни как заученный стих.

В детстве она, может, и верила матери, но сейчас мозг цеплялся за несостыковки. Полгода не оформлять документы? Прятать ребёнка? Мама явно защищала какую-то тайну.

Профессор молча выслушал её, что-то быстро записал и поднялся со своего кресла.

— Что же, картина ясна. Давайте проведём осмотр. Мне нужно, чтобы Мария разделась до нижнего белья и присела на кушетку.

У Маши это требование не вызвало ни капли стеснения. Когда ты с самого детства проходишь через сотни комиссий, консилиумов и демонстраций студентам, твоё тело перестаёт быть чем-то интимным. Оно словно превращается в медицинский экспонат.

С помощью отработанных движений матери Марии удалось снять одежду. Поддерживая за подмышки, Елена помогла её непослушному телу пересест на кушетку.

Она села, опершись руками сзади, чтобы удержать равновесие. Ноги тут же привычно прогнулись внутрь, замирая в неестественном, ломаном положении.

Профессор подошёл ближе, поправил очки и тёплой ладонью коснулся колена девушки. Но как только его пальцы прижались к её коже, лицо врача мгновенно изменилось. Он нахмурился, надавил сильнее, прощупывая икроножную мышцу...

Профессор долго молчал во время осмотра. Его пальцы надавливали на икры, проверяли рефлексы молоточком, но мышцы оставались каменными и плотными, вопреки всем законам медицинской логики.

Наконец он тяжело вздохнул, опустил руки и посмотрел на мать долгим, растерянным взглядом.

— Елена, я не буду выписывать вам новые таблетки. Я формально подтверждаю диагноз ваших врачей просто потому, что у меня другого для вас нет. Но клиническая картина не совпадает. С биологической точки зрения её мышцы в полном объёме, они не атрофированы. Я не знаю, почему она не может ходить. Я бессилен... Ах, да, можете одеваться, осмотр окончен.

После приёма, дав папку держать дочери, мать молча катила коляску по коридорам клиники, а затем и по серым тротуарам. Опустошённая, разбитая и абсолютно не желающая говорить.

Маша же испытывала всё то же самое, что и в предыдущие двадцать лет своей жизни. Привычную, выжигающую изнутри пустоту. Ощущение глухого отворачивания к самой себе за то, что маме приходится вот так возиться с ней, гробя здоровье и таская на себе тяжёлое железо. Чтобы отвлечься, она залезла в карман своей толстовки и достала маленькое круглое зеркальце, поцарапанное от времени. Маша взглянула на своё отражение. Из-за потёртого стекла на неё смотрела невероятной красоты молодая женщина.

Настоящее буйство рыжих волос, аккуратный носик, пухлые губы и точёные, будто вылепленные скульптором скулы. Да, природа наградила её лицом ангела. Она была красива — даже очень красива, — но себя видела совершенно иначе: как поломанную, бракованную вещь.

Мама остановилась у обочины и, шмыгая носом, заказала такси через приложение.

Очередной мужичок приехал на старой развалине с дребезжащим глушителем. Хоть день на улице и стоял тёплый и солнечный, только не для Маши: в её личной вселенной давно уже не светило солнце.

Им предстояло ехать обратно в соседний городок — путь занимал около часа по разбитым дорогам и редким пробкам. Как только машина набрала скорость, мама, окончательно выбившаяся из сил после утреннего стресса, закрыла глаза и заснула, тихо прислонившись головой к стеклу.

Маше же, напротив, было невыносимо скучно. Она достала свой смартфон в потёртом силиконовом чехле с изображённой на нём бабочкой. Привычным жестом разблокировала экран и зашла в гугл, чтобы полистать ленту рекомендаций. Она лениво прокручивала пальцем экран: мимо мелькал бесконечный серый поток новостей о копеечных пособиях, политике и каких-то нелепых дачных лайфхаках.

И вдруг её палец замер.

Среди всей этой бытовой шелухи ей в глаза бросился странный заголовок статьи. Там не было громких обещаний, но что-то внутри болезненной искоркой потянулось к тексту.

Статья рассказывала о загадочном целителе — лекаре, который жил в каком-то полузаброшенном на вид замке на самой границе областей по лесной дороге. В тексте говорилось, что он ставит на ноги тех, от кого официально отказались все профессора мира.

Она затаила дыхание, боясь разбудить маму, и начала жадно вчитываться в строчки, пока такси везло их обратно в серую провинцию...

Глава 2

Увлёкшись статьёй — а она прочла её более четырёх раз, — Мария не заметила, как автомобиль плавно въехал на территорию двора их дома. Девушка подняла взгляд от экрана смартфона. За окном показался подъезд — такой родной, но всё же обладающий чужеродной, отталкивающей серостью.

Мария осторожно коснулась плеча задремавшей матери, и та, встрепенувшись, протянула таксисту деньги за поездку. В этот раз водитель попался отзывчивый: он сам вышел из машины, чтобы достать из багажника коляску, а мама помогла девушке перебраться в неё.

Квартира находилась на первом этаже, что казалось удачей, если бы не высокое крыльцо. Преодолеть его помогал пандус — железная, громыхающая конструкция, которую мама выбила в администрации после года бесконечных жалоб и порогов.

Он был крутым и не слишком удобным, но всё же это лучше, чем ничего. На коленях у Маши лежала знакомая увесистая папка с документами, которую она крепко прижимала к себе.

Тяжело дыша, Елена навалилась на ручки коляски и с усилием закатила дочь по полозьям вверх — в тёмную прохладу подъезда, а затем в квартиру.

Едва оказавшись в прихожей, Мария с трудом поднялась из коляски. Опираясь о стену, чтобы удержать равновесие и справиться с непослушными, выворачивающимися ногами, она медленно проследовала в свою комнату.

Мама зашла следом, привычно помогла дочери сменить уличную одежду на домашнюю и укрыла её пледом. Сил не оставалось совсем. Мария бессильно растянулась на кровати, уставилась в экран телефона и принялась отрешённо листать короткие видео в соцсети, пока усталость от долгой поездки окончательно не сморила её.

Проснувшись она от дразнящего, ароматного запаха домашней еды, потянувшегося из кухни. Взглянув на зажжённый экран смартфона, Мария увидела — на дворе уже вечер. Превозмогая привычную скованность в теле, девушка спустила ноги с постели и, вновь держась вдоль стены, медленно направилась на кухню.

На кухне Марию ждал ужин — мама приготовила овощи в сливочном бульоне. Елена всегда готовила вкусно, хоть и по-простецки, нарезаая всё крупными кусками.

Девушка устроилась за столом, но мысли её были далеко — она то и дело вспоминала дневную статью. Едва доев, Маша попросила налить чаю. Пока мама возилась у плиты, Мария лихорадочно листала ленту смартфона. Прямая ссылка куда-то пропала, но, будучи девушкой сообразительной, она заранее сделала скриншоты. Затаив дыхание, она ждала, когда мать наконец нальёт чай и присядет рядом.

Елена поставила на стол две исходящие паром кружки и наконец тяжело опустилась на стул напротив дочери. Маша неуверенно обхватила пальцами тёплую керамику, словно пытаясь согреться.

— Мам, гляди, — тихо начала она, протягивая телефон с открытыми скриншотами. — Я, пока мы ехали, статью одну прочитала... От меня ведь профессор столичный отказался, помнишь?

Девушка сделала робкий глоток чая, собираясь с духом, и продолжила:

— А здесь написано, что этот лекарь... он чудной, конечно, но он может помочь. У нас ведь всё равно нет других вариантов, мам. Стоит хотя бы попробовать.

Елена скользнула взглядом по экрану. Едва заметив на скриншоте очертания замка и имя лекаря, она на секунду замерла. В её глазах промелькнул самый настоящий, дикий испуг — словно она увидела призрака из прошлого.

Но уже в следующее мгновение лицо матери исказилось, маска безразличия вернулась, и она устало отмахнулась:

— Ну, Маш, на что ты надеешься? — в её голосе зазвучало раздражение, за которым она пыталась спрятать волнение. — В этом интернете одни жулики сидят. Ничего им не нужно, кроме как последние деньги из таких отчаявшихся, как мы, выбить.

Мать потянулась к столу и сделала быстрый глоток, пытаясь промочить внезапно пересохшее горло.

Когда она поднимала кружку, широкий рукав её халата соскользнул назад, обнажая запястье правой руки. Там, обвивая кожу чёрным браслетом, темнела татуировка — замысловатая надпись на непонятном, будто выдуманном языке.

Маша заворожённо перевела на неё взгляд. Ещё в детстве мама отмахивалась, уверяя, что набила эти символы по глупости в далёкой молодости. Но сейчас, в контексте её испуга, эта старая татуировка показалась Марии ещё более странной и загадочной.

Маша долго подбирала слова, пытаясь найти аргументы против очередной отмашки матери, но к горлу уже подступал горький ком.

На глаза начали накатывать слёзы. Мария всегда искренне любила маму, но где-то внутри её годами выжигала одна и та же мысль: она — обуза.

Девушка остро чувствовала это, несмотря на всю материнскую заботу и кажущуюся теплоту. Так и не притронувшись больше к чаю, Маша резко поднялась со стула. Цепляясь пальцами за стену, она двинулась к выходу из кухни.

У самой двери она остановилась и, обернувшись, тихо спросила:

— Ну почему ты так со мной, мама?

В этот момент слёзы полились ручьём. Почти ничего не видя перед собой, Мария с трудом побрела по коридору в свою комнату.

Маша добралась до постели и легла, уставившись в потолок в беспощадных попытках справиться с нахлынувшим потоком эмоций.

В такие минуты ей не с кем поговорить и не от кого ждать поддержки. Слёзы... Стены этой комнаты видели их слишком часто. Девушке уже исполнилось двадцать лет, но она по-прежнему оставалась совсем одна. Перед глазами Марии начали медленно проплывать воспоминания о её жизни, похожие на обрывки старой киноленты.

Вспомнилось, как шептались за спиной соседки, разглядывающие её в коляске: «А девочка-то на вас, Леночка, не похожа... Разве что цвет глаз немного близок».

Как у мамы странным образом нет ни одной фотографии из молодости. То, что нет ни бабушки, ни дедушки. Они были всегда только вдвоём.

Вспомнилось, как мать долго тянула с зачислением и отдала её учиться только в восемь лет. Точнее, из-за тяжёлого диагноза это было домашнее обучение, и учителя приходили к ней в квартиру по чёткому, бездушному графику.

Они садились на край стула, раскрывали учебники и смотрели на Машу с приторной жалостью, но жалость быстро сменялась изумлением.

Мария щёлкала сложные задачи как орехи и наизусть цитировала длинные поэмы. Её мозг работал как идеальный механизм, запёртый в сломанной оболочке тела.

Преподаватели восторженно качали головами и ставили заслуженные пятёрки. Но, закрывая за собой дверь, они уносили и надежду на будущее. Золотая медаль теперь просто пылилась на полке, рядом с папкой с медицинскими выписками.

Ощущение, что эта комната — её личная, наглухо запёртая клетка, с годами только усиливалось и не гасло. Глоток свежего воздуха Маша получала лишь во время редких, недолгих прогулок или в бесконечных поездках по врачам, клиникам и прочим изнуряющим медицинским манипуляциям. Вся её жизнь состояла из белых стен больниц и этих четырёх домашних углов.

Она окончила одиннадцать классов год назад и приняла тяжёлое решение никуда не поступать. Смысла в этом Мария не видела, а потому всё больше зависала в интернете, где

границы реального мира стирались. Иногда в соцсетях у неё завязывалось живое, многообещающее общение.

Но финал всегда был одинаковым: либо виртуальные собеседники сами незаметно исчезали, стоило им узнать о её инвалидности, либо же Маша сама начинала чувствовать между строк удушливую жалость. А жалости к себе она не желала со стороны чужих людей.

Как только в переписке проскальзывали сочувственные расспросы, Мария, стиснув зубы, сама решительно обрывала общение, блокируя контакты. Ей хотелось быть равной, а не вызывать умиление или вздохи.

Немного успокоившись, Мария вытерла ладонями лицо и позвала маму, попросив помочь ей принять душ. Это была самая обыденная, рутинная процедура, но сейчас Маша отчаянно надеялась, что тёплая вода поможет смыть остатки грусти и жжение от солёных слез.

В ванную комнату она добралась сама, привычно переставляя ноги вдоль коридора. Мать уже ждала там. Молча, без лишних слов и упрёков, Елена подхватила дочь, помогая её не послушным, скованным ногам преодолеть высокий бортик чугунной ванны. Маша задернула плотную шторку в ванной и включила воду. Пока она мылась, мама оставалась в ванной — сидела на маленьком табурете рядом, готовая в любую секунду подстраховать, если у дочери соскользнёт рука или откажет нога. По окончании водных процедур, Елена бережно помогла Марии выбраться, обтереться пушистым полотенцем и переодеться в чистую любимую домашнюю пижаму.

Мария вернулась в постель, и мать бережно помогла ей расстелить одеяло. Елена протянула дочери ночные таблетки и стакан воды — по ночам Машу часто мучили головные боли, из-за которых было тяжело уснуть. Привычный ритуал прошёл в тишине. Мама поправила подушку, тихо пожелала ей доброй ночи и, выключив верхний свет, прикрыла за собой дверь. В комнате воцарился мягкий полумрак, нарушаемый лишь блёклым цветом фонаря сквозь шторы.

Оставшись в темноте, Мария привычно потянулась к тумбочке и взяла в руки свой телефон. Экран полоснул по лицу ярким светом, и девушка принялась лениво перебирать бесконечную ленту коротких видеороликов.

Контент мелькал пёстрый, хаотичный и бессмысленный. Сначала алгоритм подкинул ей забавное видео со спящими котиками, затем сменил его на чей-то дурацкий уличный пранк со скрытой камерой.

Следом пошли бесконечные, одинаковые танцы под популярные треки, сменяющиеся отрывками из старых сентиментальных песен. Маша бездумно смахивала ролики один за другим, даже не вникая в их суть — ей просто нужно было занять мысли, пока не подействуют ночные таблетки.

Спустя некоторое время, когда веки уже начали наливать свинцом, экран внезапно потемнел. В новом ролике краем глаза, сквозь туманную дымку, показались знакомые очертания того замка из дневной статьи. Камера резко развернулась, на долю секунды выхватив из темноты строгое, но будто магнетическое лицо молодого лекаря, а глухой закадровый голос произнёс: «Возможно, это нужно именно тебе».

От неожиданности сон с Марии как рукой сняло, а сердце испуганно пропустило удар. По телу пробежала дрожь — совпадение казалось слишком пугающим, почти мистическим.

Трясущимися пальцами она судорожно нажала на значок флажка, сохраняя ролик в избранное, словно боялась, что он исчезнет навсегда. Наконец заблокировав телефон, Маша закрыла глаза и, содрогаясь от смеси страха, волнения и жгучего желания попасть в это место, всё же уснула.

Новое утро было точно таким же, как и сотни предыдущих: серым, унылым и безжизненным. Из кухни потянуло едким дымом. Мать всюду пыталась приготовить завтрак, но, видимо, отвлеклась, и у неё что-то сгорело. Держась по стенке, дочь медленно вошла на кухню.

— Мам, чем тут пахнет? — спросила она, прикрывая нос рукой.

— Да яйца сожгла, — со вздохом отозвалась Елена, проветривая помещение полотенцем.
— Забылась совсем... Может, по бутерброду? Есть сыр и колбаса.

— Да, конечно, можно.

Елена быстро нарезала хлеб, соорудила два простых бутерброда и поставила тарелку на стол, сев напротив дочери.

Маша была в лёгком недоумении. Мать вела себя так, будто вчерашней тяжёлой сцены вовсе не было, и казалась вполне расположенной к общению. Поняв, что момент удачный, она глубоко вздохнула и заговорила:

— Мама, я знаю, что ты не хочешь об этом слышать, но, пожалуйста, выслушай. Хотя бы просто выслушай. Мам, я двадцать лет так живу. Я устала, и я вижу, как устала ты. Тебе ведь тоже безумно тяжело? Я не могу смириться со своим положением. Я сделаю всё, чтобы стать наконец собой — целой, а не поломанной. Мне вчера ночью попался ещё один знак, и я верю, что мне нужно туда попасть. Этот замок... он будто сам зовёт меня. А этот лекарь? Я разглядела его молодое лицо, оно притягивает взгляд как магнит. А его белые, почти серебряные волосы? Ну... как минимум, это очень интересно! Вот, смотри...

С этими словами Мария решительно протянула матери телефон и запустила сохранённое видео. Елена уставилась на экран, и вдруг произошло то, чего Маша никак не могла ожидать от обычно сдержанной матери. Лицо Елены исказилось от ярости и паники. Резким, безумным движением она выхватила смартфон и со всей силы швырнула его в стену. Телефон пролетел в паре сантиметров от головы Маши, едва не задев её, и с оглушительным грохотом ударился о кафель.

Девушка замерла в испуге, вжавшись в стул. Мать, тяжело дыша, сорвалась на крик, переходящий в истерику:

— Ну вот что я тебе говорила?! Не сиди ты в этом интернете! Тоже мне, знаки она нашла! Чуть какая-то! Ну куда, куда я тебя пушу?! Мы найдём нормального врача, который поможет! Без всяких этих магов... тьфу, лекарей!

«Магов?» — мысленно зацепилась Маша за странную, пугающую оговорку, слетевшую с губ матери. К удивлению, страх быстро прошёл. Мария молча досмотрела эту эмоциональную бурю, внешне абсолютно спокойно продолжая жевать свой бутерброд. Когда Елена наконец замолчала, судорожно хватая ртом воздух, дочь тихо произнесла:

— Мам, ты выдохни. Давай, успокойся... И, похоже, мне теперь нужен новый телефон.

Мать сердито зыркнула на неё, подошла к стене и подняла аппарат с пола.

— Он цел. Ну, почти, — буркнула она и недовольно протянула его дочери.

Маша взяла мобильник в руки. И правда, работает, сенсор откликается, но теперь через весь экран, прямо поверх лица светловолосого мужчины, змеилась глубокая уродливая трещина.

Едва перебирая непослушные ноги, Мария вернулась в свою комнату. Ей отчаянно хотелось прямо сейчас, без маминых криков, ещё раз внимательно взглянуть в черты лица этого загадочного лекаря. Но стоило ей открыть вкладку «избранное» и запустить ролик, как вместо видео на разбитом дисплее отобразился лишь глухой, безмолвный чёрный экран...

Утро встретило Марию удушливой тяжестью в теле. Ночные таблетки наконец отпустили голову, но взамен оставили противную слабость и ощущение полной разбитости. Едва открыв глаза, она первым же делом потянулась к тумбочке за телефоном. Вчерашний чёрный экран не давал ей покоя.

Сквозь глубокую уродливую трещину она лихорадочно зашла в избранное — пусто. Чёрная пустота. Сердце Маши тревожно сжалось. Пытаясь унять дрожь в пальцах, она открыла галерею, чтобы отыскать скриншоты той статьи. Но и там её ждал шок.

Снимков экрана не было. Они исчезли, словно их никогда и не существовало, оставив после себя лишь ровные ряды старых бытовых фотографий. Магия, чертовщина или чья-то воля буквально стирала за собой следы, не желая быть обнаруженной.

Но это лишь сильнее разозлило Машу. Внутри неё вспыхнуло упрямое, непреодолимое желание — выяснить правду любой ценой.

Едва перебирая непослушные ноги и цепляясь за мебель и стены, она добралась до письменного стола. Держась за край, она откатила старое офисное кресло и присела в него. На столе её ждал ноутбук — главный помощник в поиске истины.

Как только он был включён, пальцы быстро застучали по клавиатуре, вбивая в поисковую строку всё, что она успела запомнить: очертания замка, имя чудного лекаря. Интернет долго грузился, пока наконец не выдал единственную ссылку. Маша кликнула по ней, и на экране развернулся сайт с проигрывателем видео в рамке из причудливых символов.

Это был не куцый короткий ролик, а подробный репортаж. Затаив дыхание, девушка вслушивалась в описание места и рассматривала карту, показанную в нём.

Оказалось, загадочный замок находился совсем близко — на самой границе областей, всего в четырёх часах езды от их душного города. Дорога туда вела через глухую, заброшенную лесную просеку.

Закрыв вкладку на ноутбуке, Маша бессильно откинулась на спинку кресла. Голова шла кругом. Ей было до безумия страшно снова начинать этот разговор с матерью. Перечитать Елене, особенно после её вчерашней вспышки ярости, не хотелось. Да и давить на жалость было бесполезно — мама давно имеет к этому иммунитет. Но что же ей делать? Сидеть и ждать, пока жизнь окончательно утечёт сквозь пальцы?

Судьба сама предоставила ей шанс. Из прихожей донёсся шуршащий звук — мама спешно собиралась. Ей срочно потребовалось уйти по делам в поликлинику, за выпиской свежих рецептов на лекарства для дочери, а затем и вовсе бегать по аптекам в поисках нужных препаратов. На обратном пути Елена запланировала зайти в магазин за продуктами.

Едва за матерью захлопнулась дверь, Маша поняла: пора действовать.

Она твёрдо решила: соберёт рюкзак, а там будь что будет. Что бы мать ни сказала, как бы ни кричала, Мария пойдёт на всё, но уедет отсюда.

Сборы давались тяжело. Превозмогая сопротивление непослушного тела, девушка медленно перемещалась по комнате, собирая всё, что ей было нужно.

В рюкзак отправилось самое необходимое: сменное нижнее бельё и комплект чистой одежды. Из огромного арсенала лекарств Маша, немного подумав, взяла только сильное обезболивающее — на случай, если ночной шторм в голове повторится.

Финальным штрихом стала любимая металлическая фляжка. Она до краёв наполнила её ромашковым чаем с одной очень интересной, секретной ноткой, которая всегда подогревала её веру и надежду на исцеление. Замок рюкзака был застёгнут. Назад дороги не было.

Опустившись в инвалидное кресло, Мария на мгновение задумалась: каково же обычным людям жить без него — без этой вечной привязки к колёсам и чужой помощи? Наверное, они даже не замечают своего счастья. Встряхнув головой, она закинула рюкзак на спинку кресла, а фляжку убрала в боковой карман, когда-то так заботливо приделанный мамой.

С трудом выбравшись из кресла, девушка накинула ветровку. Под ней была серая футболка, на ногах — просторные спортивные штаны, которые ей легче было надевать самой.

Мать оставила ей готовый обед на плите, но Маша даже не думала о еде — все её мысли занимали те самые четыре часа пути, что отделяли её от загадочного места.

Кое-как добравшись до прихожей, она села на обувную лавку и принялась ждать. Ноги от долгого сидения в неудобной позе то и дело сводило от кратковременных спазмов. Мария решительно продолжала ждать прихода Елены, время от времени пытаясь растереть руками мышцы, чтобы унять болезненные ощущения.

Ожидание казалось вечностью. Когда на часах наступил полдень, наконец повернулся ключ в замочной скважине. Елена вошла в квартиру, нагруженная пакетами, и замерла на пороге. Перед ней сидела полностью одетая дочь, а за её спиной стояло инвалидное кресло с собранным рюкзаком.

— Это ещё что такое? — голос матери дрогнул, а руки уронила пакеты на пол.

— Мама, я еду туда! — Мария перебила её, твёрдо встретив взглядом. — Пожалуйста, не считай меня ребёнком. Мне двадцать, я взрослая, и ты не имеешь права ограничивать меня в движениях и запираешь в квартире!

Напряжение между ними стало почти осязаемым. Елена долго смотрела на дочь, видя в её глазах такую отчаянную решимость, которой не видела прежде.

В итоге, тяжело вздохнув, мать сдалась.

— Ладно. Дай мне хотя бы собрать вещи, — тихо произнесла она обессиленным голосом. — И покажи ещё, что тебя так убедило.

Елена стояла, наклонившись к ноутбуку, внимательно изучая новое видео. Когда на экране появилась карта, мать ткнула в неё пальцем:

— Ты хоть понимаешь, какая это глушь? Такси доедет максимум до этой точки, а дальше лесная дорога. А если кресло твоё не проедет, что ты будешь делать?

— Значит, я буду ползти туда, мама, — спокойно и раздельно ответила Маша. — Но я там буду.

У Елены больше не нашлось аргументов. Пока мать лихорадочно собирала свою сумку и вызывала машину, у дочери было достаточно времени, чтобы наконец утолить голод перед долгой поездкой.

Время летело стремительно. Ближе к двум часам дня к их серому подъезду плавно подъехал автомобиль. Они переступили порог, оставляя позади прошлую жизнь. Назад дороги не было. Они официально пересекли свою точку невозврата.

Глава 3

Такси затормозило у крайней точки маршрута — прямо перед стеной столетнего глухого леса. Водитель поспешно выгрузил инвалидное кресло, прыгнул в салон и уехал, словно боялся этого места. Маше и её матери казалось, что им придётся пробираться сквозь непроходимую чащу, но отступить было поздно.

Елена с трудом катила коляску вперёд. Заброшенная грунтовая дорога поросла мхом, а колёса то и дело натыкались на мощные сосновые корни. Вскоре сосны вокруг начали смыкаться, и путниц окутал плотный белесый туман. Он ложился на лица влажным дыханием, принося с собой аромат сырой земли и хвои. Но стоило им продвинуться дальше, как дымка стала медленно развеиваться, а под колёсами проглянула старинная каменная тропа.

Продвигаться по ней стало немного легче, хотя коляска всё равно то и дело спотыкалась о неровные выступы и торчащие обломки плит. Путницы потеряли счёт времени, не зная, сколько уже длится их путь. Маша была буквально заморожена этой прогулкой — никогда прежде она не видела ничего подобного. Мать же, напротив, выглядела бледной, встревоженной и глубоко напуганной.

Внезапно лес расступился, и они замерли перед исполинской стеной. Она дышала древним величием, но в то же время от неё веяло сыростью и влагой — вековые камни были густо покрыты мягким изумрудным мхом, а у основания их намертво оплетали мощные, узловатые корни сосен. И всё же это место не выглядело мрачным. Солнце как раз собиралось садиться, и его уходящие лучи пробивались сквозь кроны деревьев. Этот тёплый вечерний свет падал прямо на древнюю кладку, окрашивая её в невероятно яркие, золотистые и багровые цвета.

В глазах девушки совсем не было страха, а лишь сияло любопытство. Всё это выглядело не как угроза, а как ожившее чудо. Происходящее вокруг заставляло её чувствовать себя невероятно живой.

Прямо в стене располагались огромные ворота — на вид метров двадцать, а может и больше. Сделанные из потемневшего от времени, покрытого глубокими трещинами дерева, они были намертво заперты на тяжёлые железные засовы.

Вдруг раздался оглушительный, раскатистый звук. С грохотом и громким металлическим скрежетом засовы поддались, и огромные створки начали медленно распахиваться. Навстречу путницам вышел мужчина, чьё появление заставило воздух вокруг словно заledenеть.

Он выглядел как человек, рождённый повелевать. На вид ему можно было дать около сорока лет — тот самый возраст, когда мужские черты лица обретают максимальную строгость, зрелость и мужественность.

Его длинные, слегка выющиеся крупными тяжёлыми волнами иссиня-чёрные волосы падали на плечи, обрамляя волевое лицо. Но главным, что заставляло любого мага инстинктивно склонять голову, были его глаза — редкого, глубокого фиолетового оттенка, смотрящие на мир с леденящей душу пронизательностью.

Мужчина был одет в просторный халат из дорогой ткани глубокого тёмного цвета, поверх которого плотно сидели боевые кожаные доспехи, идеально подогнанные по его мощной фигуре. Каждая пластина была испещрена едва заметными царапинами от прошлых великих сражений. Обут он был в высокие сапоги из добротной тёмной кожи, на поверхность которых были нанесены тускло светящиеся руны, обеспечивающие в бою быстроту движения, бесшумность и повышенный контроль.

— Я — Остромир, правитель этих земель и старший среди Стражей Границы, — его глубокий голос разнёсся над лесом. — Давно мы не встречали гостей извне. Кто вы? И как... а главное, кто из вас узнал об этом месте?

Елена застыла, оцепенев от ужаса. Она смотрела на правителя так, словно знала, кто он, и этот факт пугал её до смерти. Маша же, напротив, была покорена величием этого владыки. Пряча волнение, она звонко ответила:

— Меня зовут Мария. Я увидела статью и пару видеороликов о вашем замке и чудном лекаре, который здесь живёт.

Остромир нахмурился, не понимая странных слов. Он сделал знак рукой, и к нему поспешно подбежал местный историк. Склонив голову, тот что-то долго и тихо объяснял владыке на ухо, растолковывая суть человеческих видео и статей. Выслушав его, грозный Страж снова выпрямился и объявил:

— Что же, Мария... Если знаки Границы пришли именно к вам, поздравляю — вы дома! Но кто эта женщина с вами? Ей необходимо покинуть эти земли немедленно. Вход за стены замка для неё запрещён!

Маша испуганно округлила глаза и, крепче вцепившись в подлокотники коляски, спросила:

— Но почему ей нельзя?! Это моя мама, она меня любит и никому здесь не навредит!

Остромир посмотрел на неё сверху вниз. Его голос прозвучал строго и холодно, как и подобает магу столь высокого чина:

— Нет. Правила Границы несокрушимы. Она должна уйти сейчас, пока обратный путь для неё ещё открыт. Иначе... вам лучше не знать, что с ней станет.

Маша хотела было возразить, но Елена мягко опустила руку на её плечо.

— Мне правда лучше уйти, дочка, — тихо, но уверенно прошептала мать. В её глазах больше не было паники, только глубокая, смиренная грусть. — Здесь ты в безопасности. Верь мне. Возможно... мы когда-нибудь ещё встретимся.

Елена крепко, до хруста обняла дочь на прощание, развернулась и быстрыми шагами пошла по каменной тропе назад, растворяясь в тумане. Маша смотрела ей вслед и беззвучно плакала.

Однако долго горевать ей не позволили. Прямо над ухом раздался глубокий голос владыки цитадели:

— Расскажи, что именно говорилось в этих твоих земных картинах?

Мария вскинула голову и перевела взгляд на правителя. Его необычные фиолетовые глаза, несмотря на всю свою строгость, почему-то дарили странное ощущение защиты и твёрдой опоры.

— В статье я читала о лекаре, который живёт в этом замке, — Маша указала рукой на свои ноги. — Там утверждалось, что он может помочь в моей ситуации. Потом я услышала призыв, что это нужно именно мне, а позже нашла точную дорогу.

Остромир опустил взгляд на её колени. Увидев их неестественное, вывернутое спазмом положение, он нахмурился. Правитель сосредоточился, но почему-то совершенно не почувствовал в девушке магической ауры.

Это было странно: обычный человек ни при каких обстоятельствах не смог бы преодолеть завесу. Но озвучивать свои мысли он не стал. Вместо этого владыка всмотрелся в её лицо.

Оно было прекрасным, даже прелестным, а яркие зелёные глаза удивительно гармонично сочетались с буйными, огненно-рыжими волосами. Он мимолётом вспомнил ушедшую женщину и подметил, что мать и дочь вообще друг на друга не похожи.

«Ладно, разберёмся», — подумал он и, прекратив изучать гостью, спросил прямо:

— Ты можешь ходить?

— Могу, — ответила Маша, стараясь говорить твёрдо. — Но с огромным трудом и только на совсем небольшие расстояния. Если начнётся спазм, я сразу упаду. И я точно не смогу преодолеть лестницы или высокие преграды. В основном... вся моя жизнь проходит в этом кресле.

Выслушав её, Остромир медленно выпрямился. Неужели всё действительно так просто? На первый взгляд, перед ним была обычная земная калека. Но у правителя не было вариантов не доверять Границе — её магия никогда не ошибалась. Раз знаки признали эту девчонку, значит, за её хрупкостью и отсутствием ауры скрывается какая-то великая тайна, которую ему ещё только предстоит понять.

Остромир медленно выпрямился, развернулся лицом к замковым стенам и громогласным, раскатистым голосом провозгласил так, чтобы его услышал каждый воин на стенах и в дозоре:

— Все поприветствуем нашу новоприбывшую гостью, Марию! Прошу относиться к ней с уважением и оказывать любую поддержку нашей новой, но оттого не менее важной сестре по Границе!

Едва его голос затих, как над цитаделью пронёсся оглушительный шквал звуков. Множество воинов со стен, вскинув мечи и луки, громко захлопали. Со всех сторон полетели искренние крики радости; они разносились над сосновыми кронами, заставляя птиц взмывать в небо. Маша замерла, ошеломлённая этим приёмом. Впервые её встречали не как калеку в кресле, а как равного, важного и долгожданного человека. На мгновение горькие слёзы обиды сменились слезами робкого, ошеломляющего счастья.

Остромир сам взялся за ручки её кресла и аккуратно покатыл Марию внутрь двора цитадели. Маша затаила дыхание, боясь даже пошевелиться. Мысль о том, что этот грозный владыка, перед которым инстинктивно преклонялись сильные маги, сейчас сам везёт её коляску, казалась ей совершенно нереальной. Его огромные руки в боевых кожаных доспехах направляли кресло удивительно плавно и бережно, словно он вёз не калеку, а величайшую драгоценность. В этот миг она почувствовала, как внутри неё окончательно тает остаток многолетней скованности и стыда за свою немощность.

Переступив порог исполинских ворот, девушка затаила дыхание: она была до глубины души впечатлена красотой этого мира. Под колёсами шуршали ровные каменные тротуары. Вокруг раскинулся сад с плодовыми деревьями, ветви которых сгибались под тяжестью спелых плодов. Воздух здесь был совсем другим — он дышал упоительными ароматами сочной зелёной травы, сладких спелых фруктов и распускающихся цветов. В самом центре этого великолепия буйствовали величественные фонтаны, бьющие в небо на чистой магической энергии.

Маша сидела очарованная, но сказка быстро прервалась. Правитель вежливо попросил прощения и, подав знак слугам, поспешно удалился вглубь двора. Оставшись на мгновение одна, Мария подняла глаза к небу — над замком разгорался прекрасный, багрово-красный закат, окрашивая каменные стены и шпили в тревожные тона.

Вдруг к ней подошёл молодой человек, на вид гораздо более хрупкий и изящный, чем суровый повелитель цитадели.

— Здравствуйте, Мария, — тепло улыбнулся он. — Мы все искренне рады видеть вас здесь. Наш лекарь позже представится сам, а пока я провожу вас в лечебницу.

Парень взялся за ручки коляски и покатыл её внутрь замка. Здесь густо пахло старым камнем и сухим деревом. Маша крутила головой, разглядывая величественные залы, бесконечно высокие потолки и массивные стены. Спустя пару поворотов они свернули в правое крыло. К великому облегчению Марии, лечебница располагалась на первом этаже, совсем недалеко от главного входа. Когда проводник завёз её внутрь просторного помещения, девушка увидела суetyающихся врачей и травников, перебирающих сухие корни. Повсюду стояли тяжёлые скамьи и кушетки для осмотров, вытесанные из массива тёмного дуба. В воздухе летал терпкий аромат полыни и целебных настоев.

Саму гостью здесь будто и не замечали — лекари были слишком заняты, лишь изредка проходящие мимо целители вежливо извинялись и просили подождать. Как шепнул проводник, главный лекарь являлся одним из троих старших Стражей Границы, и прямо сейчас у них

шёл экстренный совет. Повод для срочного сбора был засекречен и не разглашался обычным жителям замка.

Вдруг привычное шуршание трав и суeta лекарей вокруг мгновенно прекратились. Словно повинувшись невидимому сигналу, целители один за другим начали поспешно покидать зал, оставив Марию в полном одиночестве.

Вокруг воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Всё произошло так быстро, что Маша растерянно замерла, не понимая, что случилось. В огромном просторном зале лечебницы больше никого не было — только пустые дубовые кушетки и горький запах полыни. Эта внезапная пустота пугала. Она и так была смертельно вымотана безумными скачками эмоций за сегодняшний день, а сейчас по её спине пробежал холодком, едва уловимый шёпот подступающей тревоги. В тишине пустой лечебницы этот шёпот быстро превратился в осязаемый страх. Где-то снаружи, за толстыми стенами, раздался оглушительный грохот, посыпались яростные взрывы, и пол под колёсами коляски задрожал от мощных подземных толчков. Замок содрогался от магии.

Не успела Мария осознать происходящее, как тяжёлые двери лечебницы с треском открылись. В помещение скользнул некто, с ног до головы закутанный в мрачную тёмную мантию. Чужак замер, осматривая опустевший зал, и его взгляд наткнулся на запертую в инвалидном кресле девушку. На бледном лице незнакомца медленно проступила хищная, зловещая ухмылка.

В этот миг Маша уже ощутила не робкий шёпот тревоги, а резкий, парализующий удар прямо в грудь. Сердце испуганно забилось в рёбра. Тонкие пальцы Машеньки до белых костяшек крепко вцепились в подлокотники её кресла...

Глава 4

Могла бы я сказать, что бежать мне некуда, если бы не знала о себе один секрет. Я случайно раскрыла его ещё в подростковом возрасте и с тех пор тщательно скрывала от матери, потому что интуитивно чувствовала: так будет правильно.

Именно из-за этого я не верила, что обычные врачи из поликлиники или даже столичные профессора в силах мне помочь. Я сознавала, что я больше чем просто девочка в коляске, но не понимала почему.

После этого я стала чаще обращать внимание на странности в поведении своей матери. Я видела, что она скрывает от меня что-то важное, но не решалась заговорить с ней об этом, потому что боялась её реакции, если правда выплывет наружу.

Нет. Я не вцепилась в подлокотники от ужаса. Вместо этого я резко запустила руку в боковой карман коляски, достала свою любимую фляжку и свинтила крышку. Внутри был вовсе не обычный ромашковый чай, а крепкий травяной настой, щедро разбавленный алкоголем. Пока враг неторопливо направлялся ко мне, предвкушая лёгкую добычу, я сделала несколько крупных глотков.

Действие наступило практически мгновенно. Я чувствовала, как жидкость, проникающая в моё тело, буйным потоком разлилась по моим венам, наполняя каждую клетку живой пульсирующей силой и снимая оковы с моего скованного годами тела. Меня изнутри озарило мягкое полупрозрачное свечение, и всё существо до самых кончиков пальцев наполнилось дикой силой.

Скованные спазмом ноги сами собой выпрямились, возвращаясь в правильное для здорового человека положение. Держась за спинку кресла, я уверенно встала в полный рост.

Мой несостоявшийся палач резко затормозил на полпути. Под его тёмным капюшоном читалось полное оцепенение: он так и не понял, что произошло и как парализованная девчонка очутилась на ногах. Не дав ему прийти в себя, я вскинула руку и направила в его сторону мощную полупрозрачную волну неведомой силы.

Я до сих пор не знаю, как это работает, но под воздействием алкоголя моё тело словно само вспоминает древние инстинкты и подсказывает мне, как выпускать эту магию наружу. Или силу... Что бы это ни было.

Пусть я и не до конца понимаю свою истинную природу, но твёрдо уверена: эти земли помогут мне найти ответы на все вопросы. Но сначала нужно отстоять себя и это место.

Направленный мной удар оказался настолько мощным, что нас обоих буквально вышвырнуло в широкое окно на каменной стене. Из просторного помещения лечебницы нас унесло прямо во двор цитадели.

Мы оказались посреди хаоса битвы. Вдалеке от нас шёл бой между другими магами. У одного был энергетический щит и оружие, похожее на огромный меч, второй же сосредоточивал в руках колоссальную силу и ловко уходил от ударов. Чуть дальше гремели новые взрывы. Всё это сопровождал уже уходящий закат. В воздухе чувствовался запах железа и дыма, и слышался тяжёлый звон металла.

Враг тяжело рухнул в десяти метрах от меня на каменные плиты, но тут же вскочил, собираясь атаковать. В его руках вспыхнуло горячее пламя.

Однако я больше не была испуганной девчонкой в коляске. В голове промелькнула мысль — огонь тушат водой. В этот момент я уже не соображала, что делаю: моё тело двигалось само, ведомое первобытными инстинктами. Ярость, смешанная с алкоголем, подчинила себе мою волю.

Вскинув руки к небу, я заставила бурлящую воду из ближайшего магического фонтана взмыть вверх огромной, послушной волной. Повинуясь моему жесту, водяной поток с грохотом

обрушился на нападавшего, мгновенно закручиваясь вокруг него и превращаясь в гигантский, плотный пузырь. Его тело полностью погрузилось в эту ловушку.

Тёмный маг оказался заперт в безупречном водяном коконе, где единственным выходом была смерть. Он отчаянно бился о жидкие стены, но сфера лишь сжималась сильнее, оставляя его без доступа к кислороду.

В этот момент я была безумна. Чувствовала, как мои глаза светятся неестественным, пугающим огнём, а по венам струится чистая, беспощадная сила. Я была готова уничтожить его, как тут...

— Остановись! Пожалуйста, остановись, ты убьёшь его! — сквозь грохот сражения до меня донёсся чистый, отчаянный возглас.

Я резко повернула голову на звук. Ко мне, тяжело дыша, бежал тот самый мужчина из видео. Лекарь. Именно он только что вёл бой неподалёку, и у его ног уже лежало поверженное тело врага.

На вид целителю можно было дать не больше двадцати пяти — двадцати восьми лет, но в его облике сквозила зрелость, которой нет у обычных парней. У него были строгие, точёные и одновременно очаровательно-магнетические черты лица, приковавшие к себе взгляд с первой секунды.

Прямые светлые волосы, отливавшие почти чистым белым серебром, были аккуратно заколоты сзади, открывая высокий лоб, в то время как нижние пряди свободно падали на плечи.

На нём был белоснежный халат, больше напоминавший традиционное восточное кимоно свободного кроя. Плотную ткань украшала золотая окантовка, пущенная по воротнику, подолу и широким краям рукавов. Она лениво вспыхивала при каждом его движении. Поверх халата на грубых кожаных ремешках висели тяжёлые каменные амулеты — тёмные, отполированные временем минералы с выбитыми на них узорами.

Свободный крой одежды не мог скрыть его телосложения: лекарь обладал стройной, спортивной и рельефной фигурой, а под мягкой тканью угадывалась сила профессионального бойца. На ногах у него были сапоги из мягкой кожи, ступавшие по каменным плитам двора абсолютно бесшумно.

Его пронзительный взгляд был направлен ко мне, и в глазах мужчины читалась смесь глубокого шока и мольбы. Почти послушно я подчинилась его умоляющему голосу. Яростный шторм внутри меня утих. Я успокоила взбунтовавшиеся воды и пролила их наземь. В ту же секунду водяной кокон лопнул. Почти утонувший, судорожно хватаящий ртом воздух тёмный маг мешком свалился на мокрые каменные плиты.

— Он нужен нам живым для допроса, он единственный, кто пробрался внутрь, — тяжело дыша, произнёс лекарь.

С этими словами он безжалостно накинул на шею и запястья врага тяжёлые железные цепи, покрытые светящимися рунами, отнимающими магию.

Грубо перехватив звенья, мужчина волоком потащил пленника к воротам и передал его подоспевшей страже замка.

На мгновение забыв обо всём, я медленно пошла следом за ним. Но стоило лекарю обернуться, как мои ноги предательски начали подводить меня. Тело прошила резкая слабость, и я ощутимо пошатнулась.

Мужчина мгновенно отреагировал и подхватил меня под локти. Только в этот момент я заметила, что на его руках надеты белоснежные боевые перчатки, сплошь расшитые сложными рунами.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросил он, заглядывая в мои зелёные глаза.

— Действие моего особенного чая... оно не вечно, — тихо призналась я.

До лекаря мгновенно долетел отчётливый запах алкогольных паров. Он на секунду замер, а затем его строгие губы тронула мягкая усмешка. Пытаясь сгладить неловкость ситуации, он негромко пошутил:

— Ну, ты это, аккуратнее... А то если так часто сражаться, можно и спиться. Не думаю, что такой красавице это нужно.

Мы одновременно негромко рассмеялись, но весёлый момент тут же оборвался. Мои ноги сковал сильнейший, удушающий спастический спазм. Я вскрикнула и едва не рухнула на камни, но сильные руки этого мужчины намертво перехватили меня, легко поднимая в воздух. Я оказалась у него на груди.

Сердце испуганно замерло, а затем забилось с утроенной силой, отдаваясь глухим стуком прямо в висках. Это было до безумия, до паники непривычно. За все двадцать лет моей жизни меня никогда не держал на руках мужчина. Не было этих сильных объятий, этого надёжного ощущения чужой опоры. Сквозь белоснежную ткань его халата я физически чувствовала ровное, спокойное тепло его тела и то, как уверенно и крепко его руки держат мой вес, словно я ничего не весила. К щеке прилипла огненная прядь моих волос, а в нос ударил тонкий, незнакомый запах, исходящий от его одежды — аромат морозной свежести, горной мяты и нагретых солнцем степных трав. На мгновение от такой близости у меня кругом пошла голова, начисто вымывая из мыслей остатки боли.

В ту же секунду я поймала себя на мысли, что оглушительный хаос битвы вокруг нас внезапно затих. словно по щелчку пальцев, стихли яростные взрывы, прекратился звон стелкающихся мечей и крики раненых. Весь мир вокруг сжался, сузился до размеров этих серых каменных плит двора, до багровых лучей догорающего заката и пронзительного взгляда серебряных глаз, которые смотрели на меня сверху вниз с бесконечным удивлением и скрытой нежностью...

— Я отнесу тебя в твои покои и проведу осмотр, если ты, конечно, не возражаешь, — мягко, но уверенно произнёс он, бережно прижимая меня к себе. — Сама видишь, что тут творится. Не успел к твоему прибытию, а тут сразу такое навалилось...

— Да, конечно, хорошо... — растерянно выдохнула я, утыкаясь носом в его белоснежное одеяние.

— И что хорошего? — лекарь тихо хмыкнул, уверенно шагая в сторону замковых коридоров. — А почему ты, кстати, до сих пор не спросила, кто я такой?

И правда, я даже не задавалась этим вопросом, потому что уже понимала, кто он. Я чуть повернула голову, сквозь остатки хмельного тумана разглядывая его безупречный, строгий профиль, и негромко ответила:

— А зачем спрашивать? Я знаю. Твоё имя было в той статье, скриншот которой стёрла магия. Ты — Данимир.

Он на секунду замедлил шаг, удивлённый моей осведомлённостью. На его точёном лице промелькнула тень интереса, но затем он лишь шире усмехнулся:

— Надо же. До чего дошли земные технологии, теперь они и слухи о Границе распускают.

Мы вошли в длинный прохладный коридор левого крыла, где располагались жилые комнаты. Здесь было множество дверей — это походило на какую-то средневековую общагу. Дубовые двери и каменные стены в тусклом свете ламп выглядели мрачно, но надёжно.

Данимир уверенно нёс меня на руках, и я физически ощущала силу его размеренных, бесшумных шагов. На его руках чувствовался невероятный покой. В какой-то момент он слегка замедлил шаг у одной из массивных дверей и, на секунду замявшись, спросил:

— Мария... Ты точно не против, если я осмотрю тебя прямо в твоих покоях? Всё же ты женщина, хоть и мой пациент. Не хочу, чтобы ты не так обо мне подумала...

Я чуть повернула голову. На его точёном лице промелькнула едва заметная тень неловкости, которая сделала этого грозного Стража Границы удивительно человеческим.

— Не подумаю, Данимир, — тихо ответила я, чувствуя, как мои щёки заливают румянец. — Я ведь знаю, кто ты. Проводи осмотр там, где считаешь нужным.

Данимир аккуратно, одной рукой приоткрыл дверь покоев. На мгновение я поймала себя на мысли, что мне очень повезло: комнату выделили на первом этаже, избавив от необходимости преодолевать лестницы.

Мы оказались внутри просторной комнаты. На окнах висел тюль; кровать, письменный стол, шкаф в углу, пара стульев — вся мебель была из дуба, здесь видимо к этому дереву особая любовь. Он бережно перенёс меня на кровать и осторожно опустил на мягкое одеяло.

— Вот, собственно, твои покои. Или спальня, как это у вас принято, — его строгое лицо вдруг озарилось тёплой улыбкой. — Я ведь тоже кое-что знаю о вашем мире.

— Да, спасибо вам... — тихо ответила я. — Всем вам. За то, как вы меня приняли. Я себе и представить такого не могла.

— Мы всегда рады помочь. Не бойся спрашивать, если тебе что-то понадобится, — мягко произнёс он, принимая мою благодарность.

На секунду воцарилась тишина, после чего Данимир серьёзно добавил:

— Скажи, я могу начать осмотр?

— Да, конечно, Данимир, — выдохнула я. К медицинским осмотрам мне было не привыкать, вся моя жизнь состояла из них.

Лекарь молча кивнул. Он снял свои белоснежные боевые перчатки и положил их на край прикроватной тумбы. Мужчина шагнул ближе к кровати и только собирался начать осмотр. Его лицо было сосредоточенным и строгим. Но стоило его пальцам коснуться моего запястья, чтобы измерить пульс, как меня мгновенно накрыло.

Неведомая, дикая волна устремилась от места его прикосновения, за долю секунды прошивая каждую клеточку моего тела. Это было похоже на яркий, ослепительный электрический импульс, выжегший все мысли в голове. Но, к моему изумлению, это не было болью. Напротив, сквозь кожу разлилось странное, щекочущее и даже приятное тепло, от которого скованные мышцы на мгновение расслабились, а по телу прокатилась волна необъяснимой лёгкости. Я, конечно, ещё ничего не знаю об этих законах магии, но внутри остался глубокий, неизгладимый след непонимания: что за силу я в себе ношу и почему моё существо так яростно, так безоговорочно откликнулось именно на его тепло?

Данимир явно тоже это почувствовал. На его лице отобразился самый настоящий, неподдельный шок, а пальцы мгновенно дрогнули. Однако он быстро взял себя в руки. В следующее мгновение шок сменился привычной маской строгости.

— Извини, — его голос стал чужим и холодным. — Мы продолжим осмотр завтра. А пока... мне пора. Буду ждать тебя в лечебнице, когда полностью поправишься от своего чая.

Он резко, почти судорожно перехватил свои перчатки с тумбы и будто ошпаренный выбежал из моих покоев. Я успела осознать произошедшее только тогда, когда в звнящей тишине коридоров оглушительно хлопнула дубовая дверь.

— Но ты же знаешь, что это было! Почему ты ушёл?! Скажи мне! — отчаянно крикнула я вслед удушающей пустоте.

Мой собственный крик разбился о массивные дубовые стены, оставив меня наедине с оглушительным эхом. Внутри меня бушевала настоящая буря. Сначала накатила удушающая, до боли знакомый страх: неужели этот ослепительный импульс был лишь пугающим дефектом, от которого бежит даже сильный Страж? Вслед за ним пришло горькое чувство предательства. Тот, кто только что бережно прижимал меня к себе, защищал от пламени и ласково шутил, закрылся маской безразличия, стоило нам соприкоснуться.

Комната мгновенно показалась леденяще чужой. Одиночество нагнало меня и здесь, за стенами древней цитадели. Но сквозь подступающие слёзы обиды вдруг пробилась яростная, обжигающая злость — на Данимира, на его трусливый побег и на собственное бессилие. Я

крепко сжала кулаки, чувствуя, как остатки хмельного тумана окончательно испаряются. Если этот серебряноволосый лекарь думает, что я закроюсь в этих четырёх углах и буду покорно ждать его снисхождения в лечебнице, он очень сильно ошибается.

Глава 5

Это утро началось для меня не с удушающей серости за окном, к которой я так привыкла в своей обыденной жизни. Меня разбудил живой, ласковый свет. Он заполнял всю мою новую комнату, пробиваясь сквозь тонкую вуаль занавесок и рассыпаясь по стенам тёплыми бликами.

Но стоило мне открыть глаза и попытаться повернуться, как сказка рассеялась. К горлу подступила лёгкая тошнота, а в виски глухо застучала знакомая боль. Да уж, у ромашкового чая из моей фляжки оказалось самое банальное и приземлённое похмелье, способное испортить даже такое волшебное утро.

Я улеглась на бок и посмотрела в окно. Сквозь стекло был виден тот самый сад, по которому я проезжала, когда Остромир катил моё кресло. Правитель этого места показался мне очень строгим и одновременно заботливым, но казалось, что в его глазах застыла глубокая, потаённая скорбь. А этот врач? Что скрывает он? Почему он отстранился, бежал от меня, как от проказы...

Кое-как выбравшись из-под тёплого одеяла, я присела на край кровати. Опустив взгляд, с удивлением обнаружила, что моё кресло уже стояло в комнате. Кто-то заботливо принёс его сюда, пока я спала. Правда, выглядело оно слегка помятым — видимо, знатно пострадало от той самой взрывной волны, которую я вчера выпустила. Что же, неудивительно, шарахнуло тогда действительно мощно!

Мне жизненно необходимо было прийти в себя перед встречей с Данимиром. Осмотр ведь никто не отменял. Вот только, признаться честно, я сама не понимала, что пугало и волновало меня сильнее: его профессиональный вердикт о моей болезни или та чертовщина, которая случилась между нами вчера. Тот безумный электрический импульс от простого прикосновения пальцев...

Это было необъяснимо, пугающе, но чертовски важно. Будто сама судьба подала какой-то знак. Но что именно это значило? Этот невыносимый лекарь мало того что оставил меня наедине с кучей вопросов, так ещё и так невежливо сбежал из моих покоев, хлопнув дверью!

«И сколько же мне ещё ждать? Когда меня наконец пригласят к нему или мне стоит самой пойти?» — раздражённо думала я, как вдруг в мою дверь негромко, но отчётливо постучали.

— Кто там? — крикнула я, приподнимаясь на подушках.

Из-за двери ответил молодой женский голос:

— Здравствуйте, Мария! Меня отправили к вам в качестве помощницы. Мне можно войти?

— Входите, — ответила я.

Тяжёлая дубовая дверь моей спальни медленно отворилась, и я увидела на пороге девушку. Это была брюнетка, на вид почти моя ровесница. Её волосы были аккуратно собраны, а одета она была в простенькое свободное платье. От неё исходил едва уловимый цветочный аромат.

— Доброе утро, — негромко, почти шёпотом произнесла она. — Меня зовут Лада. Давайте я сначала провожу вас до туалетной комнаты, а после мы отправимся на завтрак, здесь всё совсем рядом. Наш правитель Остромир очень заботливо всё организовал, чтобы вам было максимально комфортно, насколько это вообще возможно в наших условиях.

— Обязательно поблагодарю его при встрече, — ответила я, слегка улыбувшись, а затем добавила: — А вас тоже он отправил? Мне просто любопытно... Не отнимаю ли я ваше личное время?

Мне действительно было неудобно: я только пришла, а вокруг уже столько внимания. Лада на мгновение помялась, неловко переступив с ноги на ногу, но всё же ответила:

— Нет, вообще-то я ученица нашего лекаря, Данимира. Это он отправил меня к вам.

На секунду я крепко задумалась. Почему он вообще обо мне думает? Сам он, значит, вчера сбежал как ошпаренный, а тут вдруг такую заботу проявил! Говорила же я себе, что этот лекарь какой-то чудной... Хотя, надо признать, чертовски привлекательный. Но Ладе я ответила уже вслух:

— Что ж, значит, и ему я обязательно передам слова благодарности при встрече. А вот от посещения туалетной комнаты я бы сейчас точно не отказалась.

Не то чтобы мне действительно хотелось его благодарить — внутри по-прежнему кипела глухая злость на его вчерашний побег, но ответить иначе я себе попросту не позволила.

После этого я попросила Ладу помочь мне с вещами. Она открыла шкаф, и в нём уже было множество женской одежды, хоть и показавшейся мне старомодной. Оказывается, обо мне и в этом ключе успели позаботиться.

После того как я смогла переодеться, Лада попыталась подкатить инвалидную коляску поближе к моей кровати, но обнаружилось, что у неё намертво заклинило одно колесо.

Немного посоветовавшись, мы решили попробовать дойти до туалетной комнаты пешком: она аккуратно поддерживала меня под руку. Тогда девушка показалась мне такой хрупкой и почти невесомой, от неё пахло тонким ароматом космеи. Этот цветок, беззащитный на вид, упрямо цветёт вопреки осенней прохладе. Но, несмотря на всю стойкость, его лепестки так легко срывает безжалостный ветер. И Лада была его живым воплощением.

Однако стоило нам сделать всего несколько шагов и выйти из комнаты, как у меня случился сильный, болезненный спазм в моих непослушных, скрученных ногах. Они просто отказались двигаться дальше.

Хоть для меня такое происходило не в первой в моей жизни, по бледному лицу Лады я видела, насколько ей неловко в этой ситуации и как сильно она переживает. Оглядевшись по сторонам, моя помощница не растерялась и попросила поддержки у проходившего мимо мужчины. Мне было очень неудобно от этого доброго жеста. Парень, взглянув на меня с искрой в глазах, отреагировал мгновенно, легко взвалил меня на руки и весело улыбнулся:

— Ну что, прокатимся? Я Миродан. Если что, моя комната совсем рядом, так что смело обращайся в любое время.

В этот момент я почувствовала себя жутко смущённой, а мои щёки обдало жаром. Его руки показались такими родными, а от его тела пахло чем-то знакомым — то ли теплом берёзового леса, то ли солнечной поляной с одуванчиками.

Но всё же я поймала себя на мысли, насколько здесь приятные, открытые люди и как искренне они пытаются мне помочь. А я, в свою очередь, отбросив былую гордость, с глубокой внутренней благодарностью была готова принимать эту заботу.

Миродан осторожно опустил меня на ноги возле двери туалетной комнаты и, весело подмигнув, сказал, что дальше он пойти никак не может — правила приличия всё-таки обязывают.

Мужчина пообещал подождать нас снаружи и поинтересовался, куда мы планируем отправиться дальше. Я ответила, что после вчерашних приключений мне бы точно не помешало хорошенько позавтракать.

Когда со всеми делами было покончено, мы с Ладой вышли в коридор. Миродан действительно ждал там. Он снова бережно взял меня на руки, словно я ничего не весила, и уверенным шагом понёс в сторону замковой столовой.

Когда мы вошли в столовую, я снова оцепенела от восторга. На мгновение даже почувствовала себя настоящей принцессой, которая случайно попала на королевский бал — настолько величественно и красиво всё выглядело вокруг.

Прямо в центре просторного зала стоял огромный дубовый стол, который буквально ломился от изобилия. На нём красовались самые разнообразные блюда, диковинные закуски и свежие салаты. И всё это так аппетитно пахло, что у меня мгновенно заурчало в животе, заставив позабыть об утренней тошноте.

Мы все втроём дружно уселись за стол и с огромным удовольствием принялись за еду. У нас зашёл разговор о главном лекаре и о том, что мне обязательно нужно поскорее попасть к нему на приём.

— Он как раз сейчас у себя в лечебнице и должен быть свободен, — заметила Лада, а затем повернулась к нашему спутнику: — Миродан, ты не мог бы ещё раз помочь Марии добраться до правого крыла?

— Да, конечно, я с радостью помогу, — без лишних слов согласился Миродан. Он лишь посмотрел на меня с такой неуклюжей добротой и попытался улыбнуться, будто разучился это делать.

Едва мы покончили с едой, мужчина подхватил меня на руки и понёс по длинным коридорам Цитадели. На его руках мне было так спокойно, а его сердце так бешено билось. Боже мой, как же стремительно и ошарашивающе меняется моя жизнь!

Ещё вчера утром я сидела в четырёх стенах серого мира и мучительно думала, как вообще сюда добраться. А сейчас я здесь, и меня уже второй за сутки потрясающий мужчина носит на руках. Так ненароком можно и влюбиться в кого-нибудь из них! От этой нелепой мысли я не выдержала и весело рассмеялась вслух.

Миродан удивлённо взглянул на меня и поинтересовался, что же меня так развеселило. Я не стала скрывать и честно поделилась с ним своими размышлениями, после чего мы уже от души хохотали вместе на весь коридор.

Открыв тяжёлую дубовую дверь, Миродан внёс меня внутрь лечебницы. Там нас встретил один из помощников, который сразу сообщил, что Данимир уже у себя и ждёт нашего визита.

Пройдя по прохладному коридору, мы без стука вошли в кабинет этого самого загадочного и чудного лекаря. Данимир внимательно, не мигая, посмотрел на меня, покорно сидевшую на руках у Миродана. В его глазах промелькнуло что-то острое, словно электрический разряд.

— Доброе утро, — дружелюбно поздоровался нёсший меня мужчина. — Я доставил к вам вашу прекрасную пациентку.

С этими словами он аккуратно опустил меня, помогая сесть в мягкое кресло, стоявшее возле стола. А я делала вид, что не заметила его слов.

— Доброе. И благодарю вас, — сухо произнёс Данимир.

В его голосе по-прежнему звенела привычная строгая прохлада, но в глубине глаз отчётливо читались сильное смятение и лёгкая, едва сдерживаемая раздражённость. Ему явно не понравилось то, что он только что увидел.

— Можете быть свободны, — отрезал лекарь, давая понять, что посторонним здесь больше не рады.

После этого мой новый знакомый весело подмигнул мне на прощание и покинул помещение.

В кабинете повисла гробовая тишина. Отношение Миродана меня удивило. Даже если я и красива, мне было непривычно слышать подобное от кого-то. А Данимир выглядел так, будто за всей своей серьёзностью пытался скрыть то, что буквально написано маркером на лбу.

Чтобы хоть как-то сбить неловкость, я принялась разглядывать обстановку. Мягкие глубокие кресла, большой рабочий стол из тёмного дуба, заваленный множеством старинных книг и свитков, а рядом — стройные ряды маленьких стеклянных пузырьков с разноцветными жидкостями. Первым затянувшееся молчание нарушил Данимир.

— Здравствуй, Мария. Я искренне рад, что тебе уже лучше, — он мягко улыбнулся, заглядывая мне прямо в глаза. — Вчера мы так и не закончили осмотр. Прости, что мне пришлось так внезапно уйти — появились неотложные дела... Но давай сначала просто поговорим. Остромир передал мне, что при первой встрече вообще не почувствовал твоей магической ауры. Однако я, когда осматривал тебя после... твоего особого чая, напротив, ощутил

внутри тебя настоящую бушующую бурю. А сейчас в тебе снова идеальная пустота. Получается, мы оба правы. Мне лишь осталось выяснить, в чём именно тут загадка.

— Это как? Магию можно почувствовать физически? — с любопытством переспросила я.

— Да, её способны улавливать практически все сильные маги. Но, судя по всему, не в твоём случае. Так что же именно блокирует твой дар?.. — лекарь на мгновение задумался, потирая подбородок. — И что это за ромашковый чай? Не в алкоголе ли дело, раз именно после него в тебе просыпается сила?

— Ой, да ты не парься, я тебе сейчас всё сама расскажу, — ответила я так непринуждённо, будто разговаривала не с могущественным Стражем Цитадели, а со старым другом по детской площадке. — В общем, когда мне было шестнадцать, мать ушла куда-то по делам. Оставшись одна, я от скуки полезла в шкаф и наткнулась на бутылку. Это был крепкий виски. Ну, я и отхлебнула ради интереса — хотелось понять, почему мама так тщательно прятала его от меня и твердила, что мне ещё рано. На вкус, честно скажу, дрянь редкостная, как горькая подошва. Но вот то, что случилось потом... По телу мгновенно разлилась бешеная теплота, а ноги вдруг стали лёгкими, как у абсолютно здорового человека. Я просто взяла, встала и пошла без малейшей боли! А ещё почему-то смогла одним лёгким движением руки двигать мелкие предметы по комнате.

— Ты сделала это один раз или повторяла? Как часто ты пила его и сколько тебе лет сейчас? — Данимир уставился на меня с неподдельным удивлением.

— Да я изредка это практиковала, — честно призналась я. — За эти годы, а мне двадцать, мне удалось выяснить одну чёткую закономерность: чем выше градус алкоголя, тем сильнее и ярче проявляется эта сила. А чтобы мама ничего не заподозрила, я шла на хитрость. Прямо при ней наливала во фляжку ромашковый чай, а уже потом, уловив момент, тайно добавляла туда крепкий алкоголь. Ах, да... Есть ещё один важный нюанс. Всё это волшебство длится совсем недолго, минут двадцать, ну, от силы полчаса.

Я выложила Данимиру абсолютно всё, что знала сама. Скрывать такое от мамы годами было чертовски сложно, но внутри меня всегда сидел какой-то необъяснимый страх. Я почему-то жутко боялась ей во всём признаться. А таких разговоров мне очень не хватало.

— Вот оно как, значит... Очень интересно, — задумчиво протянул он, анализируя мои слова. — Что же, теперь я наконец могу полноценно тебя осмотреть. Ты сможешь сама дойти до той кушетки? — спросил лекарь, указывая рукой в дальнюю часть комнаты.

— Думаю, нет. Мне просто не за что будет держаться, — тихо прошептала я, опустив взгляд на свои непослушные ноги.

— Что ж, в таком случае я с радостью побуду твоими ногами, — неожиданно мягко произнёс маг.

И прежде чем я успела хоть что-то возразить, он без лишних предупреждений легко взвалил меня на свои руки прямо из кресла. От такой неожиданности у меня на секунду перехватило дыхание. Это было так резко, так собственнически, что я даже не успела включить свою внутреннюю защиту.

Ещё минуту назад я сердилась на него, а сейчас моё глупое сердце снова испуганно затрепыхалось где-то у самого горла. У Миродана на руках было надёжно и тепло, но здесь... здесь всё ощущалось совершенно иначе. Сила Данимира пугала и притягивала одновременно, заставляя меня чувствовать себя уязвимой и защищённой в одно и то же время. Я вновь почувствовала его живой запах — казалось, он пах свежестью альпийских гор.

Он заботливо усадил меня на край кушетки и сразу приступил к делу. Из его ладони вырвалось мягкое голубое свечение. Насыщенный магический свет плавно заскользил сначала вдоль моих неподвижных ног, а затем и по всему телу. В самом конце Данимир остановился у моей головы. Казалось, он видит что-то, от чего зависит не одна жизнь.

Нахмурившись, он задействовал вторую руку и принялся долго водить ладонями вокруг моих висков, словно бережно поглаживая воздух. Всё, что я ощущала в этот момент, — это приятный, лёгкий холодок, исходящий от таинственного голубого сияния.

— На сегодня, пожалуй, хватит. Завтра посмотрю ещё раз, — наконец произнёс лекарь, гася магический свет и принимая сосредоточенный, задумчивый вид. — Кажется, я начинаю понимать, в чём дело, но мне нужно немного времени, чтобы окончательно во всём разобраться и перепроверить свои догадки. Только, Мария, очень прошу тебя: впредь больше никакого алкоголя, — строго и безапелляционно добавил он, заглядывая мне в глаза. — Судя по всему, этот катализатор крайне разрушительно сказывается на твоём теле. Запомни раз и навсегда: только экстренный случай, угрожающий жизни, как это было вчера. Кстати, того тёмного мага сейчас всюду допрашивают, чтобы выяснить, как именно и с чьей помощью он сумел проникнуть за стены замка. А мы в лице Старшего Совета приносим тебе свои глубочайшие извинения за то, что допустили это нападение и подвергли тебя опасности.

— Ну как же так?! — с горькой обидой вырвалось у меня. — Значит, теперь я вообще ходить не смогу? Я-то наивно думала, что хотя бы в этом мире наконец обрету долгожданную свободу...

— Пожалуйста, не обижайся, — мягко, но уверенно перебил меня Данимир. — Это решение принято исключительно ради тебя и твоего здоровья. И вообще, я же ясно сказал: отныне я сам буду твоими ногами. Наш правитель Остромир, учитывая твой особый случай, официально освободил меня от всех остальных обязанностей в Цитадели. Так что теперь я практически круглосуточно нахожусь в твоём полном распоряжении.

Я была до глубины души потрясена таким ошеломляющим предложением. Почувствовав, как к щекам мгновенно прилил жар, заливая их багровым румянцем, я испуганно замерла. Несколько долгих, бесконечных секунд я просто молча смотрела в его ослепительные, светящиеся серебром глаза, отчаянно пытаюсь найти в них скрытый ответ на свои немые вопросы.

В кабинете снова повисла густая тишина, и под этим магнетическим взглядом мои непослушные губы сами собой выдали очередную глупость:

— Что, прямо-таки и в ванную меня на руках носить будешь? — я лукаво прищурилась, отчаянно маскируя своё смущение под напускной дерзостью. — А может, ещё и спинку мне там потрёшь, раз уж ты полностью в моём распоряжении?

Теперь уже щёки самого Данимира предательски вспыхнули пунцовым румянцем.

— Мария, пожалуйста, будь серьёзнее! — укоризненно выдохнул он, едва ли не охая от неожиданности.

Спешно пытаюсь вернуть себе маску строгого доктора, он снова переключился на заботу:

— Скажи, может, ты проголодалась? Или, быть может, хочешь немного прогуляться?

Поняв, что на сегодня дразнилок с него хватит, я ответила, что была бы не прочь поближе полюбоваться теми прекрасными фонтанами во внутреннем дворе замка. Его сильные руки привычно и легко подняли меня с кушетки. Данимир понёс меня на улицу в полном молчании, словно искренне притворяясь обиженным на мою дерзость.

Когда мы вышли во двор, он бережно усадил меня на резную каменную скамью, откуда открывался потрясающий вид на бурлящие и переливающиеся искры фонтанов, и тихо сел рядом. Глядя на его застывший профиль, я всё же решила сделать первый шаг.

— Ты... правда, прости меня, — тихо, почти шёпотом произнесла я. — Я просто сильно смутилась от твоих слов... Ну, про то, что ты будешь моими ногами, и про круглосуточное распоряжение... — Я принялась нервно тереть прядь волос, не решаясь взглянуть на него. — Вот и выдала, совершенно не подумав, первую же глупость, которая пришла в голову.

Услышав моё робкое признание, Данимир повернулся ко мне и тепло улыбнулся. В ярких лучах полуденного солнца его серебряный взгляд и точёное лицо казались ещё более притягательными.

— Спасибо за честность, — мягко ответил он, продолжая открыто смотреть на меня. — Ничего, когда-нибудь я наверняка привыкну к твоему характеру... И мне, пожалуй, ещё очень будет не хватать этих твоих земных шуточек.

Глава 6

Мы сидели рядом, молча любуясь бьющими в небо струями воды. Но красота вокруг больше не радовала — все мои мысли занимал тот оглушительный импульс, который до сих пор эхом отзывался внутри. Набравшись смелости, я всё же решилась задать вопрос, который не давал мне покоя с самого утра:

— Ты вчера оставил меня одну... — я заговорила, до смерти боясь услышать очередную отговорку. — То, что произошло между нами во время осмотра... Ты ведь тоже это почувствовал, верно? Данимир, ты можешь прямо сказать мне, что это было? Только не ври, пожалуйста.

Я смотрела на него в ожидании ответа. Он казался растерянным и потерянным, как ученик, который забыл все слова, стоя у доски.

— Я... — лекарь осёкся. На секунду между нами повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Он отвёл взгляд, а затем тихо продолжил: — Пока я не знаю, что тебе ответить. Мне нужно во всём самому до конца разобраться, возможно...

— Значит, ты ничего мне не скажешь, — горько перебила я его, чувствуя, как внутри закипает обида. — Но почему-то мне кажется, что это чертовски важно для нас обоих.

— Я всё тебе скажу, но только позже! — с внезапной глухой злостью вырвалось у него, словно я наступила на его самую болезненную мозоль. — Почему ты так нетерпелива, Мария?

— Понятно. Значит, ты просто уходишь от ответа. Может, и сейчас убежишь? — я отвернулась, упрямо вскинув подбородок. — Я искренне не понимаю, почему нельзя сказать правду прямо сейчас... Что в этом такого пугающего?

— Прости, но я правда сейчас не могу... — тише ответил он, и в его голосе проскользнула глухая обречённость.

Разговор зашёл в тупик. Нам больше нечего было сказать друг другу. Замкнувшись в своей гордости, мы делали вид, что увлечённо разглядываем бурлящие фонтаны и редких птиц, лениво пролетающих над высокими шпилями Цитадели. Немногим позже я попросила Данимира помочь мне добраться до моих покоев и оставить меня там.

— Мне нужно побыть одной, — это было последнее, что я сказала ему, прежде чем за ним закрылась дверь.

Он послушно вышел, оставив меня наедине со своими мыслями. Оказавшись в одиночестве, я устало растянулась на кровати и устала в потолок.

Множество вопросов роилось в моей голове. Почему Данимир не хочет мне ничего говорить? А этот маг, что на меня напал... Всё, что успел сказать лекарь — это то, что он был единственным, кто пробрался внутрь. Может, ему что-то было нужно в лечебнице? Тогда получается, я случайно встала у него на пути и помешала. Но почему меня нельзя ввести в курс дела? Это у их Совета принято всё держать в строжайшей тайне?

И вообще, почему я так много о нём думаю?

Внутри росло стойкое, упрямое ощущение: Данимир-то всё знает. Он совершенно точно разгадал, что за вспышка произошла между нами, но умышленно, по каким-то своим причинам, не говорит мне ни слова.

Есть ли смысл задавать ему вопросы, если он озвучивает только то, что сам считает нужным?

— Всё-таки я его абсолютно не понимаю, — вслух произнесла я в пустоту комнаты. — И почему это алкоголь мне вдруг нельзя? В этом мире я ведь наконец-то могу не прятаться и не бояться показывать свою истинную суть...

В этот момент в моей голове мгновенно вспыхнула мысль о фляжке, лежащей в рюкзаке. Искушение оказалось слишком велико. Все эти годы этот настой был единственной верой в

моё будущее. Он даровал мне возможность почувствовать себя живой — пусть и ненадолго, но я могла быть собой. А Данимир решил это у меня забрать?

— А ведь я могу выпить прямо сейчас и устроить себе небольшую самостоятельную прогулку, — азартно подумала я, приподнимаясь на локтях. — Пока этот заносчивый лекарь уверен, что я покорно лежу тут, переживаю из-за нашего разговора, а то и вовсе плачу в подушку. Ну уж нет, не дожждётся!

К счастью, на этот раз мой рюкзак стоял совсем близко, прямо на прикроватной тумбочке. Дотянувшись до него, я извлекла свою верную фляжку, свинтила крышку и большими, жадными глотками принялась пить обжигающее пойло.

На вкус ромашковый настой с градусом был, конечно, поприятнее того старого виски, но я всё равно искренне не любила алкоголь. Если бы не моя странная особенность, я бы в жизни к нему больше не притронулась.

Почти мгновенно по венам разлилась знакомая волна силы, а лёгкое опьянение приятно ударило в голову. Отбросив сомнения, я решительно поднялась с кровати и уверенным шагом направилась к выходу из комнаты.

Я была твёрдо намерена обследовать замковый двор. Главное теперь — вовремя вернуться назад, пока действие катализатора не закончилось и я пластом не рухнула посреди улицы на глазах у всей Цитадели. Вот уж точно будет конфуз!

Я не спеша шла по двору, наслаждаясь каждым шагом, пока тёплый ветер ласково обдувал моё лицо. С каждым его вздохом я ощущала знакомый аромат плодовых деревьев, дарующий долгожданное ощущение свободы. Вокруг было на удивление пустынно. Видимо, все жители Цитадели были заняты своими повседневными обязанностями, и такое безлюдье было мне только на руку — меньше лишних глаз.

Пройдя чуть дальше, я очутилась на противоположной, более уединённой стороне двора. Похоже, это местная тренировочная площадка. На эту мысль меня натолкнули виднеющиеся вдали деревянные круглые мишени. Трава здесь была напрочь вытоптана, лишь изредка проглядывали одинокие зелёные ростки.

Издалека я заметила группу тренирующихся молодых людей. Среди них вовсю занимался и мой утренний знакомый Миродан, а руководил процессом статный, умудрённый опытом мужчина — судя по всему, их наставник. Чтобы не мешать, я робко замерла в тени, слегка притаившись за широким стволом векового дерева. Но скрыться мне не удалось. Миродан почти сразу заметил меня и весело крикнул на весь двор:

— Ты чего это там притаилась? Секреты наши военные разнюхиваешь?

Однако, сделав в мою сторону пару шагов, он резко изменился в лице. Его улыбка сменилась выражением полнейшего ошарашивания:

— Стоп... Мария, а как ты вообще ходишь?! Подойди-ка сюда к нам, я прямо сейчас познакомлю тебя со всей нашей бандой!

Делать было нечего — меня раскрыли. Стараясь сохранять независимый вид, я уверенно зашагала к тренировочной площадке, чувствуя на себе пристальные взгляды парней. И если в лицах остальных я видела лишь праздный интерес, то Миродан смотрел совершенно иначе: его взгляд казался таким тёплым, как лучи разгорающегося августовского солнца. Стоило мне приблизиться, как Миродан, по-прежнему оглядывая меня с ног до головы в полном изумлении, взял инициативу в свои руки:

— Давай я сначала представлю тебя всем, а потом мы уже подробно обсудим, что это за чудо с тобой произошло и как ты вообще стоишь на ногах, — он тепло улыбнулся и повернулся к старшему мужчине. — Я начну с нашего наставника. Он один из троих Старших Стражей Совета, а зовут его Радомир.

Я посмотрела на мужчину. На вид ему можно было дать около тридцати пяти или сорока лет, и от всей его фигуры веяло абсолютным спокойствием и той вековой мудростью, кото-

рая была так необходима для его тяжёлой миссии. Его густые русые волосы были собраны на затылке в тугую, безупречно аккуратную шишку — точь-в-точь как носили древние самураи, как я их себе представляла, чтобы ни одна прядь не смела помешать или ослепить в разгар яростного боя.

Наставник был одет в халат глубокого зелёного цвета, рукава которого украшали сложные переплетения защитных рун и традиционных узоров Цитадели. Поверх халата крепились лёгкие кожаные доспехи благородного природного оттенка, идеально сочетающегося с зелёной тканью и подчёркивающего стройную, натренированную фигуру мастера. Завершали его образ высокие кожаные сапоги точно в тон. В его строгом лице не было жестокости: напротив, взгляд Радомира лучился добротой и глубоким пониманием человеческой души, хотя каждый в замке прекрасно знал, что за этой мягкостью скрывается один из опаснейших бойцов Границы.

— А это Лиам и Каэль, — продолжил Миродан, небрежно махнув рукой в сторону остальных ребят. — Они так же, как и я, обучаются у Радомира. Пока мы всего лишь новобранцы, но когда-нибудь обязательно станем полноценными Стражами Границы.

Парни вежливо поприветствовали меня кивками и, отойдя чуть в сторону, вернулись к занятиям. Я уставилась на них как заворожённая. То, что они вытворяли, не шло ни в какое сравнение с земными фильмами: один из них на полной скорости выпускал сияющие огненные искры прямо из ладоней, а второй ловко и технично отбивал их полупрозрачным магическим щитом. Мои восторженные наблюдения прервал подошедший ближе Миродан. Опустив взгляд на мои кроссовки, он требовательно спросил:

— Так всё-таки... Как ты это делаешь, Мария? Как ты ходишь?

— Я... Ну, это довольно сложно объяснить словами, — смущённо замялась я, не зная, стоит ли раскрывать секрет. — В общем, алкоголь действует на меня как какой-то катализатор. Вместе с ним в моё тело вливается магия. Данимир сказал, что когда я вчера выпила, он отчётливо уловил во мне мощную ауру. А вот когда я абсолютно трезва, она бесследно исчезает. И ноги снова становятся чужими, непослушными...

— Ого! — искренне удивился Миродан, почесав затылок. — Я хоть и живу здесь уже чуть больше пятидесяти лет — ведь сам когда-то пришёл с той стороны, — но эти места не перестают меня удивлять.

— А разве Данимир не предупреждал вас, Мария, чтобы вы не смели употреблять алкоголь без веской, угрожающей жизни причины? — внезапно раздался за моей спиной суровый и глубокий голос наставника.

Я испуганно вжала голову в плечи под строгим взглядом Радомира.

— Ну да, предупреждал... Но я подумала, что...

— Да чего тут думать! — словно из-под земли, прямо перед нами вырос сам этот чудной лекарь.

Судя по бешено раздувающимся ноздрям и сжатым кулакам, Данимир был просто в ярости.

— Да почему ты вообще так злишься на меня, а?! Это же моя жизнь и моё тело! — в сердцах выкрикнула я.

Вся тренировочная площадка замерла. Новобранцы и даже Радомир уставились на нас, явно ошарашенные тем, как дерзко какая-то чужачка позволяет себе разговаривать со Старшим Стражем Цитадели. Но меня уже было не остановить:

— Неужели мне даже один-единственный разок нельзя просто пройти на собственных ногах?!

И в этот самый момент, словно в наказание за непослушание, невидимый таймер внутри меня громко щёлкнул. Сила улетучилась, и мои ноги предательски подкосились. Я испуганно ахнула, готовая пластом рухнуть на вытопанные земли, но Данимир среагировал молниеносно. Он тут же перехватил меня, железной хваткой прижимая к своей широкой груди.

— Нельзя! Вот именно поэтому и нельзя! — всё с той же kloкочущей злостью отрезал он, и от его властного голоса у меня внутри всё сжалось. — И даже не смей со мной спорить, Мария, я слишком хорошо знаю, о чём говорю!

Данимир развернулся и быстрым, размашистым шагом понёс меня прочь с тренировочного поля под молчаливыми взглядами парней.

— Сейчас я отведу тебя обратно в твои покои, — строго продолжал чеканить лекарь, даже не глядя на меня. — И лично буду сидеть рядом караулить, чтобы ты больше не творила подобных глупостей!

— Это я что... под домашним арестом, получается? — буркнула я, упрямо надувшись, хотя в глубине души уже начала понимать всю серьёзность и опасность ситуации.

Глава 7

Данимир стремительно нёс меня по прохладным коридорам замка, с каждым шагом приближаясь к дверям моих покоев. Я переводила взгляд то на вековые каменные стены Цитадели, то на его такое же каменное, наводящее ужас лицо.

Я видела, что действительно не на шутку разозлила его, вот только до конца не понимала, почему моя собственная жизнь вызывает у него такую бурную реакцию. Почему он, несмотря на всё своё нарочитое безразличие, так отчаянно и упрямо заботится обо мне.

Наконец он толкнул дверь моих покоев, занёс меня внутрь и бережно, словно хрустальную вазу, опустил на мягкую постель. Тяжело дыша от нахлынувших последствий от алкоголя, я хотела было попросить его достать из рюкзака таблетки, но Данимир опередил меня.

Заметив, как моё тело корчится от болезненных спазмов, он молча сделал шаг вперёд. Из его ладоней послушно вырвалось уже знакомое голубое свечение. Лекарь плавно провёл руками сначала над моей головой, а затем вдоль сведённых судорогой ног. По телу разлился приятный холодок, и изнуряющая боль мгновенно отступила. Осталась лишь крошечная, едва ощутимая нотка ломоты в висках — но к такой приглушённой боли за долгие годы я давно привыкла и просто научилась её не замечать.

— Мария, давай наконец поборемся за твою серьёзность, — произнёс он своим строгим, бархатным голосом. Лекарь присел на край кровати, заглядывая мне прямо в душу. — Ты должна чётко уяснить: с твоим организмом всё далеко не так просто, как думали врачи в твоём мире. Твоё магическое ядро серьёзно повреждено. И, судя по всему, это стало следствием какой-то старой механической травмы.

— Какое ещё, к чёрту, ядро? — недоуменно переспросила я, вытаращив на него глаза. От удивления с моих губ сорвалась очередная глупость: — Как у Царь-пушки, что ли?

— При чём здесь вообще пушка? — Данимир удивлённо вытаращил на меня свои серебряные глаза, но почти сразу понимающе качнул головой. — Ах, да... Я совсем забыл, что ты всю жизнь провела среди обычных людей и ничего не знаешь об устройстве нашего тела. И всё же эта полонка кажется мне очень странной. Давай договоримся так: для начала я подробно расскажу тебе, что такое Нуклеус. А затем уже ты поделишься со мной историей своей земной жизни — где росла, с кем жила, и, главное, случались ли с тобой в детстве какие-нибудь странности? Ну, разумеется, помимо твоего фирменного ромашкового чая.

Сказав это, лекарь на мгновение растопил суровую маску, и его строгое лицо озарилось редкой, удивительно тёплой улыбкой.

— Ох, ладно, сдаюсь. Рассказывай, дядюшка, я вся во внимании, — театрально вздохнула я, устраиваясь на подушках поудобнее.

— В общем, в головах абсолютно всех живущих здесь магов есть одна особая область, — начал Данимир, жестикулируя руками. — Это плотное, шарообразное образование, надёжно покрытое защитной органической скорлупой. Мы называем его скрытым ядром, или, выражаясь более научным языком, Нуклеусом.

— Не знаю, мне делали МРТ — ничего там нет! — резко отрезала я.

— Что же, судя по твоему упрямому поведению, я готов поверить их приборам, что там у тебя действительно пусто, — иронично хмыкнул Данимир и осторожно приложил кончик прохладного пальца к моему лбу. — Ну, по крайней мере, верил бы... если бы лично не сканировал твою голову своей магией.

— Вообще-то сейчас было обидно, — пробурчала я, упрямо надув губы и демонстративно отвернувшись от него. — Ладно, и что это за ядро такое? Рассказывай дальше.

— Именно через Нуклеус вырабатывается и циркулирует вся наша магия, — посерьёзнел лекарь. — Если сравнивать очень примитивно, на понятном тебе языке биологии, это

как щитовидная или поджелудочная железа. Оно точно так же встроено в организм и участвует в выработке и усвоении жизненно важной энергии, как ваши органы участвуют в обмене веществ. Без Нуклеуса мы были бы самыми обычными людьми.

— Получается, маг вполне может жить без этого ядра? — с искренним любопытством в голосе переспросила я, подавшись чуть вперёд.

— Физически — может, — Данимир тяжело вздохнул, и его серебряные глаза на мгновение потемнели. — Но разве это можно назвать жизнью? Магии нет, наступает вечная, оглушающая пустота. Нашим Высшим Судом в Цитадели иногда назначается процедура высушивания ядра — это тяжелейшая, крайняя мера наказания за самые страшные преступления. И поверь мне, Мария, для любого из нас такая кара гораздо хуже смерти.

— Ох, жёсть какая... — тихо выдохнула я, поёжившись от его слов. — Ну хорошо, а почему тогда ваше хвалёное ядро не увидел ни один аппарат МРТ?

— Понимаешь, Нуклеус непрерывно источает и впитывает магическую энергию, — принялся терпеливо объяснять лекарь. — Из-за этой постоянной энергетической оболочки его невозможно просветить или зафиксировать на чём-то сугубо механическом, созданном в людском мире. Для вашей техники он абсолютно прозрачен и невидим. Различить его структуру способны только опытные маги вроде меня.

Тут Данимир с явной гордостью провёл рукой по своим густым волосам, упрямо вскинув подбородок.

— Не то чтобы я был излишне самолюбив, нет... Но это стоило мне десятков лет сложнейшего, сурового обучения. Теперь я по праву считаюсь одним из лучших специалистов по головному мозгу и магическим ядрам — если вообще не самым лучшим! Собственно, только после сегодняшнего осмотра мне наконец стало до конца понятно, почему древняя Граница в своих ментальных призывах так настойчиво указывала тебе именно на меня.

— А с моим ядром тогда что не так? — тихо спросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия.

— Я пока не могу сказать тебе со стопроцентной уверенностью, — Данимир резко посерёзнел, и вся его былая профессиональная гордость вмиг улетучилась. — Но уже сейчас я могу сделать чёткий вывод: это случилось очень давно. Твой Нуклеус серьёзно повреждён, и я отчётливо вижу на нём характерные, застарелые рубцы. Но самое страшное в другом... Мелкие осколки его защитной оболочки откололись и попали прямиком в ткани твоего головного мозга.

На секунду он замолчал, подбирая слова, а у меня внутри всё похолодело.

— Пока я не знаю точного количества этих осколков и мест, где именно они застряли, — глухо продолжил лекарь. — Подобное глубинное сканирование отнимает у меня колоссальное количество сил, и мне требуется время на восстановление. Именно поэтому нам с тобой и понадобится ещё несколько сеансов, чтобы я смог составить полную карту повреждений и продумать тактику лечения.

— То есть всё настолько серьёзно?.. А с алкоголем-то что не так? Почему он заставлял меня ходить? — в моём тихом голосе больше не осталось ни капли прежней шутливости или напускной дерзости. Мне стало по-настоящему страшно.

— Как я понимаю, когда ты выпиваешь, твой мозг получает мощнейший, неестественный приток дофамина и адреналина, — принялся объяснять Данимир, и в его глазах снова заметалось сильное смятение. — Под этим химическим воздействием зажатые области вокруг ядра на время расслабляются и перестают давить на инородные тела. В этот короткий момент между самим Нуклеусом и его отколотыми частями восстанавливается энергетическая связь — они начинают резонировать как единое целое. Это и даёт тебе временную, обманчивую возможность полноценно ходить и безнаказанно пользоваться магией.

На секунду он запнулся, а затем его голос сорвался на грозный, пугающий рокот:

— Но как только действие катализатора проходит, всё неизбежно возвращается на круги своя! Ткани снова сжимаются, и под этой страшной вибрацией осколки каждый раз сдвигаются всё глубже и глубже в серое вещество, нанося микротравмы твоему мозгу! Ты должна раз и навсегда прекратить баловаться со своей фляжкой, Мария, если тебе хочется хотя бы просто выжить! — совершенно неожиданно вспыхнул лекарь, тяжело дыша от нахлынувших эмоций.

Данимир резко поднялся с кровати и отошёл к окну. Скрестив руки на груди, он несколько секунд молча всматривался в замковый двор, пытаясь совладать с собой и остыть. Наконец, не оборачиваясь, он продолжил уже гораздо тише:

— Я вовсе не хочу тебя пугать... И прости меня за эту несдержанность, — в его голосе отчётливо зазвучали виноватые нотки. — Просто я очень хочу, чтобы ты больше никогда так глупо не шутила со своим здоровьем. Это не игрушки, Мария.

— Ладно-ладно, обещаю, что отныне буду примерной девочкой, — ответила я, не удержавшись от своей привычной ироничной манеры, чтобы хоть как-то сбить пафос момента.

— Ну-ну, поглядим, — Данимир наконец повернулся ко мне, скептически приподняв бровь. — По крайней мере, пока я нахожусь рядом, разгуляться тебе не удастся. Комната слева от твоих покоев как раз свободна, так что я на какое-то время поселюсь там, чтобы круглосуточно следить за твоим состоянием. А теперь, как мы и договаривались, твоя очередь. Расскажи мне о своей жизни.

— Ну и приставай же ты, дядюшка, — картинно вздохнула я, но отпираться не стала. — Да и что тут рассказывать? Ничего весёлого или интересного. Я, мама, душная квартира, инвалидное кресло и бесконечные консультации врачей. Хотя... Если хорошенько повспоминать всякие странности, то кое-что наберётся. Например, мать всегда утверждала, что родила меня дома на полу и совершенно не помнит сам процесс — у неё будто память напрочь отшибло. Официальные документы на меня она почему-то оформила только тогда, когда мне бахнуло шесть месяцев. Да и с моей учёбой знатно затянула: я из-за всех этих проволочек только в девятнадцать лет умудрилась окончить одиннадцать классов.

На секунду я задумалась, перебирая в голове обрывки воспоминаний, и вдруг меня осенило:

— Ах да! Ещё у неё на запястье была очень странная татуировка. Я всегда считала её просто дурацким узором, но сегодня у тебя в кабинете я заметила точь-в-точь такие же символы на древних свитках. И даже вот здесь, — я уверенно ткнула пальцем в сторону его груди, — на твоих амулетах выбиты очень похожие знаки. Ну и вишенка на торте: прямо перед моим отъездом сюда, в разгар нашей ссоры, мама жутко оговорилась. Она в крике вместо слова «лекарей» чётко выпалила «магов». Мне всё это и раньше казалось подозрительным, а уж теперь, когда я узнала всю правду про свою физиологическую фишку, пазл окончательно начинает складываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.